

11. ФРАНЦУЗСКАЯ РЫБАЛКА

*К абсолютно неизведанному
относится 96% нашей Вселенной...*

(2-й канал ТВ «Россия»,
утренняя новостная передача «Утро России»,
10 сентября 2008 года, 9.20)

Жара — плюс сорок в тени! Это не Нормандия, это Ашхабад какой-то! Температура, не характерная для сырого, туманного, самого близкого к Англии региона. По телевизору по всем новостям показывают тревожные кадры — экскаваторы сгребают во рвы груды погибших кур. Нежная домашняя птица не выдерживает такой температуры и массово завершает земной путь в куриных братских могилах.

Из дома выходить вообще не рекомендуется. Во дворце у Месье всю работу делают кондиционеры (как это он не додумался экономить на электричестве!). Из прохладного свежего помещения на улицу выходишь как в парную. Аж дыхание перехватывает от горячего воздуха!

Аномальное пекло установилось, наверное, специально для меня, чтобы осуществилась заветная мечта и я как можно дольше провела времени на пляже. Океан! Вода холодная даже в такую жару. Идешь-идешь по воде, а воды всё по колено.

Идем с Лолкой по пляжу. Под ногами весь песок усеян маленькими кучками, будто по побережью пронеслось стадо карликовых пинчеров с хронической диареей, причём испражнялись собачки исключительно мокрым песком.

— Это крабики, — поясняет Лолка.

— Что, неужели крабы весь пляж закакали?

— Нет же, они в песок зарываются, а наверху оставляют такие кучки. Смотри, — Лолка разрыгает одну из пирамидок, а под ней действительно скрывается крохотный, словно игрушечный, но живой крабёныш размером не больше пяточка.

Внимание невольно привлекает необычное семейство. На улицах Франции можно увидеть множество межэтнических браков, но особенно ярко, практически незабываемо смотрятся та-

Юлия НИФОНТОВА

г. Барнаул

НЕ ХОЧУ В НОРМАНДИЮ!

роман

кие разноцветные ячейки общества на оголённых пляжах. Белотелая необъятная матрона возлежит в тени широкого зонта, а по ней, как котят по кошке, ползают шестеро чад-погодок от светло-кофейного до тёмно-шоколадного оттенка. Вскоре из воды выходит двухметровый тёмно-фиолетовый папа — «инопланетянин» с планеты Заир или Конго.

Пляж на океанском побережье Нормандии не является тем общественно значимым местом, как берег Оби в Барнауле, где противоположному полу демонстрируются достоинства и излишества фигур, сексуально зовущие позы и татуировки, где под любимые попсовые куплеты завязываются легкомысленные знакомства и прочные связи. Нет. В Нормандии побережье настолько обширно, что люди не кучкуются, превращая пляж в живую биомассу, а располагаются друг от друга на столь почтительном расстоянии, что интерес к соседям полностью утрачен. Поэтому можно лежать абсолютно голым, и никто на тебя не обратит достойного внимания. В связи с этим, несмотря на шикарные авто, оставленные на стоянках, купальные принадлежности не изобилуют модными тенденциями. Кажется, что французы вовсе не заботятся о том, как выглядят.

— Типичный миллионер тот, у кого на пляже самое рваное полотенце, — констатирует мою мысль пронзительная Лолка и как бы между прочим добавляет: — Я скоро со своим новым мальчиком уезжаю в Париж... Не скучай!

Самое интересное на берегу занятие для меня, жителя дремучих северных широт, собирать ракушки. Французские компаньоны смотрят на мою коллекцию с иронией и недоумением. Наверное, так же смотрела бы я, если б кто-нибудь в алтайском бору кинулся собирать шишки и в каждой находил что-то особенное и неповторимое.

Не глядя на сарказм мон ами, я не могла оторваться и с азартом истого коллекционера продолжала выискивать, пополняя ракушечный арсенал новыми удивительными экземплярами. Было чем залюбоваться: корявые, поросшие, как мхом, водорослями створки устриц, то завёрнутые улитками гиганты, то россыпи крошечных ярко-жёлтых, словно зёрнышки кукурузы, мини-ракушечек.

*«А,
Ленушка,
не хочешь
ли
пос-
мот-
реть, как
наши мужики
на рыбалку ходят?
— спросила Лолка, указы-
вая на группу местных жи —
телей, экипированных вполне
по-российски — в старые куртки
и резиновые сапоги, а вместо удо-
чек и спиннингов рыбаки несли с
собой только пустые вёдра. — Это
особенности национальной ры —
балки. Они по берегу ходят и
подбирают раковины после
отлива, потом сдают улов
в прибрежный ресторан.
Ежедневный клёвый
бизнес. Во-он там
видишь трактор
едет, полную
телегу везёт.
Крабов,
уст —
риц,*

*омаров там, всякой всячины морской... Это, считай,
будто сетями ловят — по-крупному. Когда прилив,
океан совсем близко подбирается, и кажется, что
дельфины могут запрыгнуть на террасу,
а в дом врешется какая-нибудь забубённая яхта».*

Стало уже традиционным, что утро, проведённое на пляже, завершается обедом в прибрежном ресторанчике. Если утро начинается в 11–12, то соответственно обед — в пять-шесть часов вечера. Особенно запомнилось первое посещение этого излюбленного пункта питания. Мы сидим на открытой террасе, нависшей над самой водой и продуваемой всеми солёными ветрами. Из-за близости океана жара совсем не чувствуется. Любуемся бесконечным синим простором, яркими гребешками яхт вдалеке, пенными барашками волн, догоняющих друг друга. Каменный балконище, на котором расположился ресторанчик, словно

монолит, выточен из скалы белого мрамора, причём круглые столы и скамьи, огибающие их подковами, неотделимы от пола и составляют с ним единое целое. Несмотря на ранний для подобных мест час, вокруг многолюдно. И, что действительно радует многострадальный женский взгляд: подавляющее большинство посетителей — мужчины. Да какие! Молодые, приятные, улыбчивые. Жаль, что в европейских забегаловках не принято запросто знакомиться, это только в ночных барах да клубах интимный баритон ненавязчиво предложит понравившейся даме:

— Чем вас угостить?

А вообще, будьте уверены: с какой бы страшилкой европеец ни засиделся за ланчем, с ней он и уйдёт и ни на кого больше пялиться не будет. Это вам не наши перебежчики-«девчонкичоскучае!»! Поэтому приходится довольствоваться той компанией, что имеется в наличие. За столом — я, Месье, бывшая красавица, больше всех пострадавшая от злодеяний инфанта-пюпяса на злополучном званом ужине, Флоранс с кудрявым юным супругом Мишелем, настоящая француженка Маржорй с налётом лёгкой лошадиности в облике и антично-божественный Ксавьё.

Маленький беломраморный столик застелен хрустящей стерильной скатертью и сплошь заставлен сверкающими на солнце металлическими приборами. Явное сходство с операционной под открытым небом усиливается, когда официанты приносят нашей команде хирургов-любителей жуткие инструменты, не имеющие ничего общего с человеческой трапезой: изогнутые иглы, странные длиннющие двухзубцовые вилки (ими, наверное, удобно вытягивать из жертвы кишки), крючки, щипцы разных калибров, от маленьких, видимо для выдёргивания ноздрей, до внушительных, коими возможно перекусить ребро.

Рядом с каждым посетителем-изувером почтительные служки ставят по большому серебряному ведру, в котором почему-то нет ни льда, ни шампанского. Беспокойство моё нарастает. Для чего тогда эти вёдра? Для ампутированных конечностей или на случай, если у кого-нибудь начнётся безудержная рвота?! Ну а если серьёзно? Как я, воспитанная в прос-

тецких школьных столовках, буду управляться со всеми этими загадочными приспособлениями маньяков-гурманов?!

Заказывает Месье — это даже не обсуждается. Любителей халявы полно, оказывается, не только в родном отечестве. С выражением крайнего пренебрежения Месье отбрасывает прочь светло-зелёный листочек — это вегетарианское меню, видимо, не заслуживающее почтения у нашей людоедской команды. Тем не менее Месье как главный матёрый, но благовоспитанный каннибал, советуется с выбором, показывая фото рядом с длинным и непонятым названием кушанья. На фотографии двое субтильных юношей с трудом держат огромное блюдо с горой «непонятного». Все члены голодного племени одобрительно кивают, цокают, явно рады и хотят быстрее проглотить это «непонятного» — главное, чтоб побольше и на дармовщинку.

Куда же они собираются поместить необъятное блюдо размером с этот столик, если вся его поверхность заставлена? Но я немного ошиблась — когда официанты поднесли блюдо-гигант ближе, я поняла, что оно несколько больше по диаметру, чем наш столик. В середине, правда, оставался крохотный участок, свободный от «медицинского инструментария». Именно туда ловкий гарсон поместил высокую металлическую подставку, похожую на вазу без дна, водрузив на неё этот огромный банный таз, в котором можно было выкупать одновременно сразу несколько младенцев. Но вместо неумытых детишек ёмкость изобиловала членистоногими жителями океанских глубин. Рыхлый курган из крабов, улиток, устриц и прочих моллюсков вершил крупный бело-розовый омар. Он возлежал словно шах, обняв загребущими клешнями кучу награбленного добра.

До сих пор для меня остаётся загадкой, как и в каких глубинах подсознания были заложены виртуозные умения разделки морских деликатесов. Но даже не особо глядя на французских гурманов, я нашла применение всем странным инструментам, словно всю жизнь прожила на побережье и питалась исключительно моллюсками. Ведь это ж понятно, что доставать улиток удобнее всего длинными металли-

ческими крючками, а сломать панцири крабов сподручнее как раз такими стоматологическими щипцами.

Надо заметить, что поначалу я тушевдалась за столом перед иностранной братией, казалась себе неуклюжей, не имеющей представления об этикете. Постоянно ловила себя на том, что вилку необходимо держать в левой руке. Но, переложив инструмент из привычной правой, начинала всё ронять и терялась окончательно, заливаясь предательским румянцем. Однако вскоре успокоилась, увидев, как раскрепощённо ведут себя *my friends* за трапезой. Вилки держали кому как угодно, в ход шла даже мышечная сила, если разрезать кусок ножом было сложно, а скатерти безжалостно заливались соусом и вином. А чего стоит только неизменная европейская привычка совать хлебные куски в кружку с кофе!

Но такой прыти я от себя не ожидала. Поистине к хорошему очень быстро привыкаешь. Орудовать чёрными скорлупками мелких мидий (их здесь называют «мули»), открывая, словно пинцетом, одну с помощью другой, у меня выходило гораздо ловчее, нежели у тормозных иноземцев. Вообще, это была поистине моя пища, я даже не ожидала, что до такой степени привяжусь к изысканной морской кухне. И уже не могла себе представить, как я буду обходиться без «мулей». Сейчас в родном Барнауле можно найти все эти дорогостоящие креветочные изыски, но все они ни в какое сравнение не идут с теми свежайшими дарами океана, только что поднятыми с берега во время отлива французскими «рыбаками».

— Боже, как же я буду жить в Сибири без моих любимых мулей? Неужели я больше никогда не съем ни крошки этой вкуснятины, когда вернусь домой?! — невольно сокрушалась я.

— Не волнуйся, Элина́, мы обеспечим тебе крошку-муля, — успокоил меня балагур Мишель, — пришлём тебе в Сибирь ма-а-аленькую посылку. Один ма-а-аленький муль в спичечном коробке и к нему открытку тоже ма-а-аленькую, размером с почтовую марку...

Я старалась изо всех сил не показывать, что меня задевают изощрённые поддёрки смазливового альфонса, которому за мускулистые загорелые ноги прощалось всё. Тем более что

подали устриц, о которых я раньше только слышала.

Они оказались мне самой вкусной на свете едой. Их действительно не подвергают варке, но маринуют в уксусе. Это поистине божественный вкус. Но, как мне пояснили, устрицы не являются повседневной французской пищей, их принято употреблять только по большим праздникам, например на Рождество. Это лёгкая низкокалорийная еда нежнейшей консистенции с мягким рыбно-желейным вкусом. Хотя напугана я была ими немало. Дилетантов может отпугивать внешний экстерьер как вид лягушачьих лапок, что вкуснее и полезнее пресловутых окорочков.

Представьте, что думают про устриц и про французскую кулинарию вообще в дремучей сибирской тайге: «Их едят, а они пищать! Лягушатники!» Но я, не избалованная никакими изысками, всегда была оригиналкой. В детстве обожала солёные оливки (может, потому что они были редкостью), остальные дети терпеть их не могли. Понятие «вкусное» для меня — это чёрный хлеб с селёдкой, отнюдь не крем-овый торт. Поэтому прибрежные французские рестораны стали для меня своеобразной Меккой и предметом обожания.

По мере опустошения гигантского блюда переполнились наши серебряные вёдра, что предназначались для отходов, которые в десятки раз превосходили по объёму добытое изпод хитинового покрова количество деликатесного белка. Когда королевская трапеза неумолимо шла к концу, слащавый и противный Мишель, что больше всех потешался над моей страстью собирать ракушки, торжественно встал и на глазах всего ресторана церемонно протянул мне своё наполненное горкой ведро с отходами:

— Мадам, позвольте внести свой скромный вклад в вашу коллекцию!

Бальзаковозрастная супруга охотно залилась приторным смехом:

— Оля-ля, Мишель — такой весельчак!

Эх, жаль, нет с нами экспрессивного пюпюса. Он бы показал, кто здесь настоящий весельчак!

12. ПОЧТИ НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

*Ну и остров — прям тоска! —
Сплошь из камня и песка.
И доколь хватает глазу —
Ни речушки, ни леска!..*

*Да оно бы не беда,
Кабы здесь была еда, —
Окажись тут лебеда бы,
Дак сошла б и лебеда!..*

Леонид Филатов.

«Про Федота-стрельца, удалого молодца»

До триумфального возвращения пюпюса от мамочки оставалось три дня («...Три счастливых дня было у меня-а-а-ааа-ааа!!!»), и Месье решил максимально насытить программу всеобщего отдыха. Решено было посетить острова, коими так обильно усеяны прибрежные океанские просторы. Первым по установленному папá графику значился крохотный «необитаемый» остров в нейтральных франко-английских водах. Компании для путешествий тоже были выбраны заранее. На необитаемый островок нам предстояло отправиться в сопровождении семейной пары Флорáнс — Мишель, а вот на остров № 2 предстоял вояж с молодожёнами Маржорí — Ксавьё. Именно в такой последовательности значились наши компаньоны, видимо, согласно значимости и доброжелательности Месье — по убывающей.

Вечер и ночь нам предстояло провести в гостях у Флорáнс и Мишеля, а рано утром ехать с ними на побережье и плыть на остров на маленьком кораблике. Благостную идиллию нарушали мысли о пропавшей где-то Лолке. Куда она могла подеваться? Если рванула в Париж со своим новым мальчиком, как обещала, то почему уже несколько дней не звонит, не шлёт эсэмэски и вообще не подаёт признаков жизни?

Мы ехали в соседний городок по мягкому ночному шоссе. Широкая разделительная полоса светилась в темноте загадочным зеленоватым светом. Несколько раз я порывалась попросить Месье остановить машину, чтобы выбежать и посмотреть своими глазами, как это французы подсвечивают дороги. Умом я понимала, что полоска нарисована флуоресцентной, светящейся

в темноте краской, но всё же временами накатывало сомнение: а вдруг в асфальт вмонтированы маленькие лампочки, что подсвечивают изнутри матовую прозрачную полосу из толстого стекла, проложенную по всей длине скоростной трассы?

Через небольшие промежутки времени Месье притормаживал и платил несколько монет автомату или невозмутимому дорожному служаке за проезд по нарядному, идеально гладкому мерцающему шоссе. Каждый раз, тяжело вздыхая, он доставал специальный кошелек для меди, где каждая монетка лежала в своём отсеке согласно ранжиру. После очередного тоскливо обречённого вдоха я подумала: хоть наши дороги и не светятся в темноте, зато не надо раскошелиться через каждые пять минут за почётное право газовать по родимым колдобинам.

Хозяева встретили нас фейерверком эмоций, будто в гости к ним заехал не стареющий жадный дед с сомнительной профурсеткой из забытой богом дыры, а сам господин Доширак с новой женой — звездой парижского бомонда.

Флорáнс, оправдывая своё имя, страстно увлекалась парковым дизайном и устроила на своём участке настоящий мини-Версаль. Особенно восхищали искусственные водопады на заднем дворе.

Перед ужином на воздухе хозяйка с воодушевлением показала нам дом. Молодой супруг, как и положено альфонсам, семенил позади госпожи и поддакивал.

Экскурсия началась с просторной гостиной на первом этаже. Зал был условно разделён на две зоны: «клубная» с барной стойкой и зона отдыха — мягкий уголок у домашнего кинотеатра. Над интерьером явно работал профессиональный дизайнер, так как обе части были умело объединены современным «древне-египетским» стилем.

Из созерцания интерьеров мной был сделан парадоксальный для сознания русской училки вывод, что работать учителем во Франции почётно и экономически выгодно. По словам Флорáнс, им не рекомендуется проводить больше четырёх уроков в день, чтобы не перегружать нервную систему педагога. Перед глазами тут же пронеслись осатаневшие после двух учебных смен смертельно уставшие лица нищих коллег, разбегающихся как тараканы

по своим провонявшим кошками хрущобам — проверять кипы тетрадей.

Экскурсия затянулась. Мы были проведены по всем многочисленным комнатам особняка. Осмотрели прачечную, гардеробную, личные кабинеты хозяев и даже были допущены в «святая святых» — пурпурно-атласную супружескую спальню.

Наличие никем не занятых апартаментов на первом этаже, оборудованных словно номера отелей, заботливая мать двоих детей объяснила так: «У моей дочери есть бойфренд. Если он приедет к нам в гости пожить ненадолго и ему захочется провести ночь в одиночестве, то сиреневая комната для него. Точно так же у сына есть девушка. Следующая салатовая комната её любимая». Наличие на этаже дополнительно голубой и розовой комнат, видимо, предполагало наличие у дочери нескольких бойфрендов... или иных комбинаций.

— Сколько лет вашим детям?

— Дочери Софи — 16 лет. Сыну Жилу — 17.

Мне сразу вспомнилось недавнее громкое разбирательство в нашей учительской, когда срочно были вызваны родители парочки старшеклассников, застигнутых свирепой завучихой за постыдным актом прилюдного поцелуя на школьной дискотеке. Возмутители порядка были заклеяны и пристыжены, а породившие таких аморальных вандалов и попирателей общественной нравственности предки подавлены и сгорали со стыда под перекрёстным огнём осуждающих взглядов педколлектива.

Не достигшие совершеннолетия чада Флоранс, оказывается, уже давно жили со своими пассиями, снимая жильё отдельно от родственников. Дети в свободное от школьных забот время подрабатывали официантами. Чаевых вполне хватало, чтобы начать самостоятельную жизнь лет на двадцать раньше, чем их российским сверстникам.

За ужином самостоятельные дети Флоранс почтили нас присутствием. Хотя я, конечно, отлично понимала, что они прикатили исключительно поглазеть на меня — живое чудо, явившееся из космоса. Вдруг у меня три глаза или антенна на голове?

Честно сказать, я немало струхнула, когда на выглаженные дорожки маленького «Версаля»

вдруг с грохотом вкатили четыре крутых мотоцикла, которые оседлали матёрые рокеры, с ног до головы увешанные атрибутами альтернативного мышления и общемирового протеста. Представители нового прогрессивного поколения европейцев были усыпаны клёпками, утыканы пирсингом, разрисованы разноцветными татуировками.

На нетренированный взгляд все они казались юнцами с большим самомнением и комплексом неполноценности. Но при внимательном рассмотрении компанию удалось разделить пополам по гендерному признаку. Толстая, оплывшая рокерша с рядом колечек в брови и очагами красных угрей на «никаком» лице оказалась дочерью наших любезных хозяев. Подружка сына оказалась наиболее похожей на худосочного, почти лысого юношу с выбритыми дорожками по всей голове. Выдавали её только едва заметные бугорки груди, что уже никак не могло спасти подавленной женственности.

Рокеры потусовались, выпили по бокалу вина, поглазели на меня, даже не попытавшись поддержать диалог с предками, и умчались в свою самостоятельную детскую урбанизированную «другую» жизнь.

Мы же, непосвящённые олухи из прошлого века, ещё долго коротали вечер, потягивая сладкий мускат под шум маленького искусственного водопада.

Добираться до островка, на котором нам предстояло провести уик-энд, нужно было на небольшом прогулочном катере Catamaran «Jeune France» (катамаран «Жён Франс») по проливу Ла-Манш.

Больше всего запоминаются какие-то яркие чёрточки, мелочи, которых не встретишь у себя дома. Может, поэтому на меня огромное впечатление произвёл специальный служащий порта, в обязанности которого входило подавать руку каждому, кто входил на катер. Он просто стоял на краю и помогал людям взойти на борт. Никто из местных и внимания-то на него не обратил. Но меня очень удивил такой сервис, дома такое и в голову никому бы не пришло — у нас каждый выживает как может.

Катер отчалил от берега. Мы остались на верхней площадке, чтобы ощущать порывы солёного

океанского ветра и быстрое течение нашей жизни. Но жизнелюбивая Флоранс не оставила нам надежд на желанное уединение с небом и водой. Она упорно пыталась мне что-то рассказать и мимически изобразить некую информацию о том чудесном месте, куда мы направлялись. Её упорство и богатые невербальные приёмы убедили в том, что она действительно опытный высокооплачиваемый педагог. Но из всего сказанного я поняла только, что островок расположен в нейтральных водах и принадлежит Великобритании и живут там немногочисленные англичане, которых по пальцам можно пересчитать.

Дико было даже представить что где-то там, в глубине, под толщей воды течёт автомобильная трасса — знаменитый тоннель под Ла-Маншем.

Вдруг публика зашумела и кинулась на левый борт:

— Дóлфинс! Дóлфинс!

Обгоняя белоснежный парусник, по волнам летела стая дельфинов. Они то на секунду появлялись над поверхностью, то ныряли во встречные волны. Дельфинье семейство забавлялось игрой в догоняшки с ловким быстроходным судном. Туристы на борту радовались, щёлкали фотоаппаратами и махали дельфинам, будто те могли им ответить. Месье, напротив, был сдержан — вроде «я и не такое видал, нашли, чем удивить».

Наша компания решила спуститься в нижнее помещение, чтобы передохнуть от ветра и согреться. Там нас ждал неприятный сюрприз. Весь трюм был занят французскими старшеклассниками, такими же дикими, как и их российские сверстники, вывозимые на прогулки всем скопом. У меня сразу вспыхнуло ощущение, что я в родной школе, и накопившаяся к тому времени ностальгия испарилась в два счёта.

Наше положение осложнялось тем, что свободолюбивое юное племя предавалось радостям путешествия абсолютно безнадзорно. Они шумели, ни на миг не прекращая перемещений и потасовок, а учителя, что вывез класс на экскурсию, нигде не было видно. Мало того, к подростковой компании пристроился подозрительный тип — старый худосочный хиппи абсолютно наркоманского вида. Это потом, когда «конченный» предъявлял билеты всего класса и командовал своей пиратской команде высадку на берег, до меня наконец-то дошло:

он и есть педагог, везущий класс на воскресную прогулку.

Пожалуй, по степени раскрепощённости европейская молодёжь явно обогнала наших. У российских тинейджеров настроение стоит в прямой зависимости от количества употребленного химического пойла, что продают в киосках под видом лёгкого коктейля. Эти же беззастенчиво веселились, изобретательно подшучивая друг над другом «на сухую». Видимо, весь полагающийся на их души допинг брал на грудь старший наставник, по которому явно не один год в голос рыдал реабилитационный центр для наркозависимых.

Мы, хмыкая, созерцали, как две милые девочки-подружки разрисовывали цветными маркерами ногу своей одноклассницы, что мирно спала на речной лавке на носу катера. На ноге у несчастной теперь красовались стрелки. Одна указывала на пятку, информируя «самое красивое место». Другая, ярко-алая, утыкалась в бахрому коротких шортиков и гласила: «Осторожно, двадцать сантиметров вверх и будет глубокая ямка!» Далее эстафету приняли юноши и разрисовали девушку, опрометчиво уснувшую на лавке, интернациональными и вполне узнаваемыми фаллическими символами.

Засмотревшись на изобразительное творчество юных талантов, мы, не сговариваясь, вздрогнули от резкого стука. За толстым стеклом иллюминатора молодой, но, по-видимому, очень голодный зомби из первобытного африканского племени, отвратительно вывернув веки красной изнанкой наружу и обильно пуская слюну, сползал щекой по иллюминатору. Это был кудрявый Тарзан из стаи молодых приматов, увозимых на загородный пикник отважным наркозависимым героем нашего времени. Я прониклась пониманием к французскому коллеге: работать с таким контингентом невозможно, оставаясь в трезвом сознании.

Цивилизованность страны определяется по доступности и качеству общественных туалетов. Как только я перешагнула в аэропорту серебряную черту, разделяющую российскую территорию от «импортной», извечная российская туалетная проблема растворилась сама собой. А о такой кощунственной выдумке наших отечественных бизнесменов-стяжателей, как платный

туалет, никто за границей и слыхом не слыхивал. Первое, что мы увидели, прибыв на «необитаемый» остров, — это чудесный беломраморный туалет с доносившейся из него приятной музыкой и ароматами дезодоранта, а также огромный ресторанный комплекс с танцевальной площадкой и детским бассейном.

Островок напоминал пасхальный кулич, выставленный на гладкую скатерть безмятежного океана. По всей окружности суши вела проторенная туристическая тропа, по которой не спеша двигались группки путешественников. Между дорожка вела себя непредсказуемо. Она то балансировала по самому обрыву над притаившимся внизу царством Посейдона, то вдруг начинала скакать по огромным каменным валунам, а то принимала вид древний и загадочный: мощёная каменная кладка углублялась, прорезая холм. Такими траншеями остров был практически опоясан. Стены этих своеобразных окопов были словно высечены из белого песчаника и вид имели опрятный и праздничный.

Маршрут вокруг острова был продуман настолько, что, растянувшись почти на весь световой день, приводил к исходной точке — как раз к обратному рейсу кораблика.

Тропа вела от одного живописного места к другому. Крохотная часовня отважно встала на цыпочки на самом краю каменистого утёса. Рядом — импровизированная открытая колоколенка, где каждый желающий мог вдоволь натрезвониться.

Словно дорога из жёлтого кирпича, что вела Элли и её верных друзей в Изумрудный город, наша тропа преподносила нам разнообразные сюрпризы. Изваяния огромных каменных черепашек, несколько разноцветных качелей посреди поляны, скопление бесхозных надувных бассейнов для мигунов, жевунов и других миниатюрных жителей волшебных автономных округов.

Наша продуманная туристическими менеджерами тропа завела нас в райские кущи — густую тенистую рощу. Под тёмными зонтичными кронами — буйство разнотравья. Самое удивительное было то, что трава здесь не была пострижена. После разлинованных и прилизанных городских европейских пейзажей выглядело это, ей-богу, чудесно.

Но когда мы вышли из-под сени величественной дубравы, то вдруг обнаружили неприятные

последствия общения с первозданной природой. У всей нашей компании ноги были усеяны зелёными клещами. Я по провинциальной непосредственности начала их собирать с себя, завернув руку в салфетку и кровожадно давить.

Флоранс при активной мужской поддержке решила призвать к ответу вандала, то есть меня. Они дружно в голос, втроем, завопили: «Нет, не надо убивать, а то полиция оштрафует!» И вот тогда мне, тупому тёмному питекантропу, стало ясно, что в по-настоящему правовом государстве с развитой демократией каждая вонючая козявка охраняется законом. Только вот зачем доводить закон до абсурда, тёмному питекантропу так и не удалось уяснить...

*Одино-
кие жили-
ща аборигенов
заметно отличались от
французских по цветовой
гамме. Французские домики
преимущественно светлых и кремовых
оттенков, похожие на пирожные, повсеместно
утопали в цветах и лианах, а украшались с весёлой выдумкой —
смеиными скульптурками, фонариками, витражами —
кто во что горазд. На острове все постройки были траурно
серыми и несли на своей архитектуре отпечаток
драматизма и католического аскетизма. Я поня-
ла, что мы находимся на территории Великобри-
тании, а это совсем другое государство, с другим
лицом, характером, привычками. Культуры двух
соседей — Англии и Франции — отличаются друг от
друга как день и ночь. Жители острова словно
на подбор были нелюдими, охраняющими своё
одиночество, старались селиться обособленно, как
можно дальше от соседей. Многие усадьбы в Нор-
мандии находились на возвышенностях и, чтобы
заехать к кому-нибудь в гости, нужно было под-
ниматься круто вверх, где в окружении зелёных
изгородей, клумб и мягких полянок произрастали,
будто кружевные теремки, весёлые домики милых
общительных людей. Здесь же всё было по-другому.*

*Мрачные обиталища суровых островитян были
выложены из глыб плохо обработанного камня, без
легкомысленных архитектурных излишеств, как
могильные плиты, они одиноко возвышались на
продуваемых всеми океанскими ветрами равнинах.
Рядом с постройками не было ни деревца, ни пали-
садника. Аккуратность. Строгость. Да, жизнь не
так легка-весела, дорогие господа французы!*

Мы шагали и шагали, огибая островок, а между тем время близилось к обеду. Желудок, разбалованный кулинарным изобилием, царившим в апартаментах Месье, капризно требовал пищи. Если к полудню в животе настойчиво урчало, то, перевалив на третий час дня, организм запротестовал всерьёз!

Но наша компания почему-то усиленно делала вид, что все сыты до отрыжки и никому даже в голову не должна приходиться кощунственная мысль о том, что пора бы уже и пообедать.

Флоранс наигранно, как в немом кино, всплёскивала руками, неустанно восхищаясь видами, словно скопированными с рекламных туристических буклетов. Оптимист Мишель как заведённый щёлкал фотоаппаратом, видимо намереваясь поймать кадр, в котором его престарелая супруга будет выглядеть особенно нелепо. Месье шёл мерно, сосредоточенно, глядел на всё с неизмеримым равнодушием и наверняка мечтал о лошадях. А я свирепела с каждой минутой, уже ненавидя эту лазурную водную гладь, зелёные плюшевые поляны и живописные развалины замков времён ранней Золушки, по которым Кот в сапогах гонял ещё котёнком.

В половине четвёртого пополудни мы спустились к песчаному заливу. Берег представлял собой идеальные декорации для романтического фильма о любви на лоне природы. Песчаный, словно просеянный сквозь сито чистый песочек был усыпан яркими оранжевыми-белыми-жёлтыми ракушками величиной с крупные бусинки. Слово богиня любви случайно рассыпала по берегу своё ожерелье. Мы расположились для отдыха, но о пикнике никто не беспокоился. Это не то что наши домашние «мамочки» — только шагнут на травку, сразу начинают метаться: раскладывать припасы, резать огурчики, помидорчики, колбаску и т.д. В России у всей женской армии одна забота — мужиков накормить!

На круглых каменных, отшлифованных временем валунах возлежали группки загорающих. Прогретые солнцем огромные камни располагались так чудно и хаотично, что заменяли собой диваны, кресла, обеденные столы и подиумы для обнажённых натурщиц. Дамы тут и там, подставляющие обнажённые груди золотым лучам, могли бы, конечно, послужить моделями...

но только для художников каменного века, высекающих своих гипертрофированно толстых палеолитических венер. Невольно я позавидовала самоуверенности европейских толстух. Это не наши пигалицы, только лишний килограммчик засекут — сразу в панику.

Созерцание аппетитной сверх всякой меры телесной сдобы привело меня в отчаяние. Сгорая от стыда, я пролепетала, что хочу есть. Своим заявлением я крайне удивила моих компаньонов-«солнцеедов», которые, оказывается, и не помышляли об этакой блажи, а по своей национальной спартанской традиции приучены принимать суровую пищу строго раз в неделю по пятницам.

Нехотя, с демонстративным нежеланием Мишель достал из своего рюкзака более чем скромные яства. Каждому путешественнику досталось ровно по одной маленькой помидорке и крошечной булочке.

Загадочное поведение моих попутчиков разъяснилось, когда мы подошли к конечной точке нашего странствия и вернулись на цивилизованную часть острова, где шумной гурьбой теснились маленькие уличные кафешки и ресторанчики.

Сидя за столом с меню в руках, наши друзья не стали особо церемониться и заказали себе столько блюд, что стало очевидным, что Робин-Бобин Барабек был родом именно из Франции. А чего стесняться-то, ведь за всё платил престарелый денежный мешок.

Мне стало немного обидно за Месье. Ведь эта парочка, что называла себя его лучшими друзьями, просто целенаправленно двигалась к ближайшей забегаловке, где за всех по обыкновению и заведённой традиции заплатил бы их глупый добрый друг. Зачем же им тратить на продукты, если Месье всё равно всех накормит.

Правы ушлые американцы: «Всем правит бифштекс!» И ещё я сделала для себя парадоксальный вывод о том, что, оказывается, на фоне остальных французов Месье не прижимистый скупердяй, как я думала раньше, а широкой души барин-расточитель, практически мот!

13. ВОЛШЕБНЫЙ ЗАМОК

Чудесный остров-монастырь на побережье Ла-Манша красуется на открытках половины путеводителей и по популярности уступает, пожалуй, только Эйфелевой башне. Место замечательно тем, что во время прилива оно выглядит как остров, а в момент отлива по обнажившемуся дну безмятежно разгуливают овцы — картина получается прямо-таки сюрреалистичной.

Впрочем, визит в Мон-Сен-Мишель — отличный повод для путешествия по Нормандии, которая на волне интереса к экотуризму вошла в пул самых модных туристических регионов Европы.

(Журнал «Ваш досуг» № 13, 2007 год)

Молодожёны Маржорí — Ксавьё празднично существовали в кемпинге. Это целый произвольно заселённый посёлок из одинаковых автофургонов. Правда, сервис у этого автожилищного организма с бесперебойным «обменом вещью» был гораздо функциональнее организован, чем в некоторых настоящих посёлках.

Здесь была вполне серьёзная охрана, а не номинальная, как на среднестатистической российской даче в виде дряхлого инвалида, перманентно спящего под доверенным его власти шлагбаумом, или бряцающих муляжными саблями ряженных казаков с классическими бандитскими рожами и «выхлопом» на километр. Нас бы не пропустили без внимательного изучения документов и занесения данных в компьютер.

В центре автопоселения, словно большая кнопка на клавиатуре, чуть возвышалась над остальными клавишами одноэтажная цилиндрическая башня, нашпигованная удобствами: бытовками, кухнями, душевыми кабинами, туалетами и прачечными.

Фургончик Ксавьё и Маржорí затерялся в самой гуще скопления трейлеров и выходил на баскетбольную площадку, где постоянно резвились разновозрастные баскетболисты-любители.

Несмотря на компактность, комнатку в трейлере можно было назвать настоящим раем для двоих. На более чем скромной площади разместились крошечный холодильник, бар, телевизор, мини-гостиная (стол и откидные стульчи-

ки), а среди всего этого лилипутского уюта — вполне соответствующая норме двуспальная кровать. Перед входом в трейлер, следуя европейским привычкам, обеденная зона, обязательно вынесенная на свежий воздух. Интересно, они и зимой, поди, выбегают во двор перекусывать — сила привычки...

Но молодых, как ни странно, интимное уединение в семейном гнёздышке интересовало мало. Расписание жизни отдыхающих молодожёнов напоминало интенсивную подготовку к олимпийским играм: утренняя пробежка — плавание — велосипедная прогулка — плавание — баскетбол — плавание — спортивные танцы на открытой площадке — и снова плавание... Так каждый день. Они и любовью, наверное, занимаются исключительно для мышечного тонуса...

В отличие от меркантильной четы «Флорансов», молодожёны встретили нас очень приветливо и хлебосольно. У Месье и голливудского красавца Ксавьё сразу появились какие-то совместные дела. Сначала они выравнивали фургончик, подкачивая попеременно колёса. А потом и вовсе удалились в сторону пляжа, что-то деловито обсуждая.

По-мальчишески шустрая Маржорí, несмотря на несомненное сходство с лошадиной братией, определённо начинала мне нравиться. Когда мужчины ушли, она встрепенулась, стала необыкновенно задорной и обаятельной.

Её словно обкусанные вихры торчали во все стороны, а чёрные глаза сверкали азартом. Девушка постоянно широко улыбалась, демонстрируя слишком крупные длинные зубы, созерцание которых вновь возвращало меня мыслями к конюшням Месье.

Самое чудесное было то, что с Маржорí не надо было строить иллюзию дружеских отношений, подбирать слова, изображать интерес. Всё складывалось само собой, легко и естественно. Сначала мы вместе мыли фрукты, потом рвали листья салата в круглый таз.

Затем Маржорí решила посвятить меня в тайны высокой кулинарии и научить делать экзотический салат из тунца в чашечке из авокадо с зелёной стручковой фасолью. Блюдо получилось превосходным, ничего вкуснее, кажется, в жизни не ела. Жаль только, что не смогла в дальнейшем применить свои знания в сибирской глу-

бинке по причине низкого качества исходных ингредиентов.

Наверное, впервые за долгое время я почувствовала себя расслабленно. Только теперь, в сравнении, мне стало понятно, в каком диком напряжении я пребывала все эти дни, несмотря на беспробудный отдых. Агрессивная чужая языковая среда и то, что постоянно невозможно снять с лица эту деланую улыбку, стараться всем понравиться, не замечать взглядов, какими в зоопарке посетители разглядывают горилл. Боже, неужели в таком напряге русские барышни живут здесь постоянно?!

Я сосредоточенно чистила от скорлупы варёные яйца, а экспрессивная Маржорí исполняла у стола танцевальную импровизацию, попутно мешая в чашке измельчённое рыбное филе с ярко-зелёной массой из варёного авокадного тела.

Из колонок интимно хрипел Азнавур. Невольно подумалось: «Как банально жить во Франции и постоянно слушать Шарля Азнавура — оказалось, никого лучше у них так и не появилось, и тот из наших родных армян».

Расшалившись, Маржорí внезапно схватила со стола длинный батон и приставила к себе таким образом, что вмиг превратилась из худой норовистой кобылки в сухопарого возбуждённого жеребца:

— Эли́на! Багет мажик!¹²

Я смущённо потупилась и даже, наверное, покраснела. Но, тем не менее, дабы сохранить политическую корректность, сделала усилие над собой и натужно улыбнулась: «Что ж, у всех случается, что вылетают неудачные шутки».

Но, воспользовавшись моим замешательством, чертовка прыгнула ко мне на колени, оседлав меня так же, как любит наш сосед Семёныч садиться на стул задом-наперёд, зажав между ног спинку.

Она обвилась вокруг меня, как лиана. Я словно попала в горячие сети. Её длинные мускулистые руки и ноги обнимали меня, сковывая и подавляя сопротивление. Бесстыжие мясистые губы впились, словно она хотела сжевать меня, начиная со рта. Теперь я догадываюсь, какие общие интересы связывают её с моим Месье-«каннибалом Лектором» — гастрономически!

На какой-то момент, может, от нехватки кислорода, сознание будто помутилось. Мне почув-

дилось, что Маржорí — симпатичный французский юноша, пылкий и утончённый. Даже божественный Ксавьё на её фоне потускнел, скукожился, растворился в перенасыщенной страстью атмосфере. И в этой изменённой реальности (Господи, прости и сохрани мя, грешную!) в голове плыл густой загадочный туман, из тела в тело переливалась сверкающая горячая энергия запретной любви, а во рту хозяйничал многоопытный похотливый язычок.

— Хочу тебя, ами, а котэ!¹³ Всегда! Только ты!

— Нет! Жамэ!¹⁴ Уйди!!!

Но оттолкнуть Маржорí было не так-то просто. Пылкий французский юноша, спрятанный в Маржорí, был ещё дьявольски ловок и силён. Потешаясь над моими неловкими попытками освободиться из пут, она шутливо поцеловала меня в нос и отступила.

— Апрэ-апрэ!¹⁵

Погода резко испортилась вместе с моим настроением. Небо потемнело и нахмурилось. Ветер носил по берегу куски густой бурой пены и ломотья мёртвых водорослей. Воздух густо пропитался морской солью, как вяленая вобла к пиву. В горле чувствовалась горечь. От атмосферного «рассола» постоянно першило, поэтому меня обрадовало, что мы хотя бы ненадолго удаляемся от побережья. На двух машинах мы поехали смотреть на очередное туристическое чудо — остров-замок Сан-Мишель.

Я теперь с удивлением, в свете новых открывшихся мне тайных нюансов личности, разглядывала угловатую Маржорí — типаж вечного подростка. В голове всплыло самонадеянное утверждение ещё одного моего «инакомыслящего» знакомого Костика: «Все люди без исключения рождаются бисексуальными и могут любить как мужчин, так и женщин. Но большинство потом заклинивает на чём-то одном... и всё!»

Проезжая насквозь очередной городок, состоящий из нескольких кварталов, моё внимание привлекла странная клумба. Посреди дорожной развязки возвышался огороженный бордюром зелёный холмик. Размеры насыпи можно приравнять к вросшему в землю сарайчику. На загадочной клумбе не росло ни одного цветочка. Травяное покрытие было проды-

рявлено множеством нор, как почиканная молью бабушкина шалёнка.

Подъехав ближе, я чуть не вскрикнула от удивления — на островке дикой природы посреди автострады ютились десятки белых кроликов. Бедолаги были вынуждены жить, питаться и размножаться посреди асфальтового моря, кишящего смертельно опасными металлическими акулами. Белые живые пушистики несли на себе декоративную функцию, не смея покинуть последнего прибежища.

Вот так умело и грамотно авангард европейского ландшафтного дизайна использует арсенал не только царства Флоры, но ещё и Фауны. Может, скоро посреди дороги мы наткнёмся на фонтан с белыми медведями... Ну, так... чисто для красоты!

Вторым безмерным удивлением за день, после кроличьей клумбы, если не считать неожиданного финта Маржорí, стало то, что до знаменитого острова-замка не нужно было плыть по воде. Нет, возвышался он, как положено, посреди глади морской, но к величественному каменному подножию не спешил юркий кораблик, не тянулся медлительный паром. А, разрезая, как длиннющий волнорез, к замку тянулась дорога, волшебным образом вырастая из морских пучин.

И хоть чудесный путь имел весьма подозрительный вид, мокрый, испещрённый лужами, но всё же был довольно широк и по обе стороны располагал бесконечными парковками.

Погода меж тем испортилась окончательно. Заморосил нудный, мелкий, как водная пыль, дождь. Густой туман укрыл основание замка. И теперь он, как сказочная горная гряда, глядел из сурового тёмного поднебесья на жалкие скопления жучков-машин, гусениц-автобусов и вовсе недостойных внимания человеческих букашек.

Этому чудесному сооружению из огромных глыб, словно вынырнувшему из мира кино-фэнтези, даже очень подходила мрачная дождливая погода. Промозглая сырость и густой туман придавали некую законченность таинственному замку с многовековой историей и явно негативной энергетикой. Здесь-то наверняка гуляют призраки рыцарей, прекрасных дам и их палачей.

Мироощущение средневековья царило в тес-

ном переплетении тяжеловесного романского стиля и аскетичной, устремлённой вверх высокодуховной архитектуры, в которой застыли органичные фуги. Вот оно, развитие человеческих идеалов, от неприступного замка-укрепления, сложенного из гранитных плит, до окаменевших языков костра пламенеющей готики.

Экскурсоводы на всех языках мира, захлёбываясь, тараторили о том, что именно здесь произошло библейское сражение архангела Михаила — стража Райских ворот с самим сатаной, который удачно прикинулся драконом. Что город на острове существует аж с 709 года, но сначала это был не остров, а скала, на котором друиды вершили свои таинственные обряды.

Мы долго бродили сначала по узким улочкам, а затем под мрачными сводами острова-замка. Коварная обольстительница Маржорí шла чуть позади, но то и дело касалась моей руки или украдкой оглаживала любой участок моего тела, до которого в тот момент могла дотянуться незаметно для других. Я тихо свирепела. Её грешные домогательства приостановились, когда в главном храме замка началась церковная служба. На моё счастье, в храме располагалось бенедиктинское аббатство, которое ежедневно вершило открытые для туристов богослужения.

Стрельчатые готичные арки, хоры, бесконечные узкие окна устремились в небо. Сверху изливался свет, как подарок Всевышнего своим служителям. Словно божьи голуби под гигантскими чердачными сводами, крошечные монахини в белых одеждах пели чарующую музыку сфер и колыхались нереальным облаком-видением. На освещённом с небес пятачке, как на эстраде, творилась мистерия, которую по воздействию на зрителей можно было сравнить разве что с голливудским супершоу.

Крошечные, по сравнению с величественными интерьерами, фигурки казались прозрачными привидениями. Мы, как и все туристы вокруг, застыли, потрясённые увиденным. Но вдруг я почувствовала, как заползает в душу необъяснимая липкая тревога. Через несколько секунд я чётко осознавала, что и эти стены, и холодная колкая музыка, и вся отстранённо-равнодушная атмосфера бесконечно давят. Словно гигантский механический пресс опускается сверху, и ему невозможно объяснить, что ты ещё хочешь жить.

Каким жалким, крошечным, бессильным предстаёт человечество в трактовке католического богослужения. Эти величественные храмовые своды просто уничтожали всякие потуги на какую-либо индивидуальность. Да в этих стенах смешно и нелепо само даже упоминание о свободе волеизъявления людишек — маковых зёрнышек, раздавленных каменными колоссами.

Запах сырости и тления усиливает беспокойство. Осознание собственной ненужности и тотального одиночества крепко хватает за горло. Съевшиеся прихожане сидят на скамьях, отдельно друг от друга, уткнувшись в молитвенники. Каждый сам за себя!

Меня, может быть впервые в жизни, непреодолимо потянуло в нашу православную церковь. Побывать вместе с людьми и с ласковым добрым батюшкой. Единым миром петь молитву — не под уродующими психику уходящими в космос потолками, а под защитой уютного купола. Светло и соборно.

Но столь углублённый теистический анализ был внезапно нарушен самым наглým и грубым образом. По моим ягодицам ползла алчная бесстыдная ручонка, унижая торжественность атмосферы. И это в такой момент — моего первого в жизни духовного в себе открытия!

Я с остервенением отбросила глумливую длань, посягнувшую на неприкосновенность личности, да ещё в доме божьем. Резко развернулась, чтобы оттолкнуть обнаглевшую до крайности лесбиянку, и наткнулась на бесконечно изумлённый округлившийся взгляд Месье...

Прощались мы с молодыми супругами в столь же романтическом, как остров-замок, месте. Неподалёку от их кемпинга в маленьком городке, таком же игрушечном, как и все остальные, посреди площади расположилась необыкновенная кондитерская. Этот удивительный округлый стеклянный домик, видимо, заменял собой все объекты и учреждения культуры. Окружив сооружение плотным кольцом, взрослые и дети часами с интересом наблюдали, как внутри вкусного цеха кипит работа — там делали карамель.

Разноцветные сладкие червячки ползли на противни, где их нещадно расчленили на множество коротеньких пузатых подушечек. Сильный ванильный аромат вводил наблюдателей в некий

кондитерский транс. Люди смотрели и смотрели, не в силах оторвать взгляд от священнодействий волшебников Сахарной страны, наряженных в одинаковые ярко-розовые колпачки. А они, как эльфы из свиты Санта-Клауса, суетились не покладая рук, творя волшебство, будто вовсе не замечали зрителей. Молодые румяные эльфийки-продавщицы едва успевали метать свой волшебный товар страждущим сладкой жизни. Мы тоже, как великовозрастные дети, с удовольствием причмокивая, сосали конфеты.

Только на одного человека из толпы не действовала магия рождения карамели. Огромные, как чёрные сливы, глаза Маржорí впились в меня с открытым обожанием и не сомневались в успехе. Я была ей интереснее, чем занимательный карамелькин дом. И это не могло не польстить.

Я смотрела, как вытекают густые тягучие струйки, и вдруг ясно вспомнила и ощутила, как наяву, горячий карамельный поцелуй моей искусительницы. И вновь в голове поплыл густой загадочный туман, словно сверкающая горячая энергия любви переливалась из тела в тело, во рту хозяйничал многоопытный похотливый язычок, сладкий, как ванильная конфетка.

«А что? — посетила меня ужасная мысль. — Вот так осточертеет этот старый, жадный, занудный хрен — и придёт от безысходности приткнуться к розовой подруге. Она хоть на живого человека похожа. Не оскотинилась ещё, в отличие от всех остальных. Эх-х!»

— Пурвью кё са дюр!¹⁶ — горячо прошептала Маржорí прямо в ухо, и приторно сладкая парализующая волна прошла сквозь меня, слегка задев мозг...

14. УИК-ЭНД НА КЛАДБИЩЕ

Настоящее — это точка перехода многовариантного будущего в одновариантное прошлое.
Лисси Мусса: «Вот вам Точка Опоры, или ОКСЮМОРОн»

Как и всё хорошее, что непременно быстро заканчивается, дни, свободные от поппоса, протетели мгновенно. Я старалась сдерживаться изо всех дамских сил и не показывать, как бесконечно отвратителен мне вредный мальчишка.

Наблюдая за этим ярким примером девиантного поведения, я сделала неожиданный вывод: гадёныш мстил не только мне, он ещё за что-то люто ненавидел милейшую Моник. В последнее время неоднократно замечала её заплаканную, жутко подавленную. Я не могла понять, в чём дело, когда заметила, как она смущённо прячет воспалённые глаза. Но однажды увидела, что пюпюс, подождав, пока служанка закончит уборку в гостиной, нарочито демонстративно бросил горсть ореховых скорлупок на только что вычищенный светло-бежевый ковёр.

Моник смиренно вытащила огромный допотопный пылесос (агрегат эпохи Русско-японской войны, наверное, из танка переделанный) и вновь начала елозить хозяйские хоромы. На что я, как прямой наследник заветов Макаренко и Сухомлинского, пользуясь привилегиями дремучего сибирского дикаря, с разбегу поддала инфанту такого пинка, что он от изумления чуть не проглотил свой французский язык.

Месье тоже последнее время ходил мрачнее тучи. Но эту смену настроения я объясняла для себя просто: во-первых, какая тут может быть радость, когда рядом такой экстремальный сын-нулька, а главное, по десятку раз в день в резиденцию названивал бывший Лолкин муж, который, видимо, сам себя бывшим не считал. Кто-то по-дружески доложил ему, что среди гостей Месье замечена его забубённая жёнушка. Теперь он систематически истерил, угрожал, плакал, требуя вернуть ему драгоценную Лолку, которую мы сами не знали, где искать...

В мою комнату повелитель лошадей больше не заглядывал. Почти весь световой день напролёт Месье гонял жеребцов по кругу с выражением озлобленной сосредоточенности. Даже его домашняя одежда переместилась в чёрную гамму, отражая мрачное настроение.

— Почему вы снова в чёрном, Месье?

— Мой кумир — русский вратарь Лев Яшин. Он всегда был только в чёрном. Only black! Only black!

Надо же! Оказывается, Месье может увлекаться чем-то, кроме конного спорта! Хотя наверняка это сказано для отвода глаз. А на самом деле его готовский прикид — траур по проигрышу в выездке нынешнего сезона или желание хоть чем-то напоминать вороного жеребца.

Утром обстановка в особняке раскалилась до

предела. Пюпюс проснулся с жадной деятельностью, поэтому собаки были спущены с цепей и гоняли перепуганных жеребят. Экраны, мониторы и вся звукотранслирующая техника включена на полную мощь. Вещи, игрушки, диски разбросаны по всей территории владения.

Смирная печальница Моник безуспешно пыталась переодеть барчонка, но он мотал ногой с полуспущенным носком перед её лицом, метаясь в глаз. Проявляя чудеса изворотливости, не давал ей поймать неуловимую ступню, глумливо комментируя:

— Фу, са пю! Фу, са пю!¹⁷

— Сапю, сапю... Чего это он всё сапит-то? — удивилась я. Как же противно звучит! Теперь я вовсе не испытывала наслаждения от французской речи.

От обилия носовых гундосых звуков (проноса) кажется, что во Франции непрекращающаяся эпидемия насморка. Носоглотка у них как-то по-другому устроена, что ли?

В очередной раз зазвонил телефон. Опасаясь, что это снова Лолкин супруг-ревнивец, никто не спешил снимать трубку. После десятого звонка мои нервы не выдержали. Каково же было счастье — многолетняя мадам Тамара из высокосветского каприза, ностальгируя, потянувшись к чему-нибудь с родины... и пригласила меня погостить в её семье несколько дней. Это благословенное предложение давало возможность пережить без потерь хоть какое-то время пребывания пюпюса в отчем доме.

Дружные Лакарены вместе с исправно вымуштрованными русскими детьми заехали за мной почти мгновенно на серебристом микроавтобусе. Любой отдых от пюпюсового ига я воспринимала как подарок небес. Поэтому на американское кладбище, куда повезли меня для ознакомительной экскурсии мои спасители, я отправилась как на праздник. Месье попрощался холодно и, кажется, был рад, что я покидаю дом.

Мадам Тамара, оказывается, только на званом ужине держалась надменно и чопорно. Сегодня она щебетала без умолку, счастливая уже той волшебной возможностью — властью поговорить на родном языке:

— В новостях говорят, приготовьтесь к увеличению шомажа!¹⁸ О, ля ваш, блин! Ля ваш — это пипец по-французски, не путать с лавашом!

— А-а...

— У нас машина на газуэльке¹⁹, раньше она дешевле была, а теперь столько же стоит, как и бензин. Но всё равно газуэль предпочтительнее, потому что экологичнее. А во Франции все на «а ля натюрэль» помешаны.

— Да-а?..

— А что, твой копан²⁰ ещё не познакомил тебя со своей фамилией²¹, мамáн-папáн?

— Не-е...

— Странный подбор знакомых у твоего ами. Неотёсаный конюх Бернáр с болтливой женой — компания не нашего круга, не так ли?

— Но-о...

«Неужели у этого конюха жена ещё болтливее, чем мадам Тамарá», — только успела подумать я.

— Мой младшенький с прошлого года ходит в эколь²². У нас тут даже самых крошечных можно в школу отдавать. Главное, чтобы был пропр²³. У них там разные активитэ²⁴. Теперь у него свои копаны²⁵ и копины²⁶.

— Да-а...

— А у моего старшего уже — «бак-плюс один»!

— ?

— Это бакалавр, то есть как в России среднее обязательное образование и плюс первая ступень профессионального обучения.

— А-а-а...

— А у средненького два дня назад так сильно горло заболело. Перекупался опять. Так врач назначил randevу только на следующей неделе. К кому ни кинусь в лопиáле²⁷, в ответ только: «Сё па грав!²⁸ Сё па грав...» Им лозунг страны нужно срочно заменить, вместо: «Свобода! Равенство! Братство!» — на их вечное: «Сё па грав! Сё па грав!»

А меж тем огромная машина Лакаренов въехала на территорию другого государства. Территория кладбища американских солдат, погибших во время Великой Отечественной войны, была подарена США французским правительством, поэтому кладбищенские ворота представляли собой почти настоящую таможену с солдатами, проверкой документов и выборочным досмотром.

Вау! Пересекая невидимую линию границы «государства в государстве», мы удивительным образом словно оказались на другом континенте! Со всех сторон — английская речь.

Вокруг преимущественно американцы. Дорожки посыпаны мельчайшим белым гравием, ровные и опрятные, не в традициях страны, приютившей этот островок Америки. Если французские газоны просто подстрижены, то здесь идеально фанатично вылизаны. Кажется, что даже сам воздух стал другим — прохладный, бодрящий, перенасыщенный сверхидеями патриотизма и демократии, где всё напоказ.

В центре мемориала среди целого «города» одинаковых захоронений возвышается величественный флагшток с прилегающей к нему беломраморной площадкой. Здесь, словно в элитном пионерском лагере — мечте из прошлой нашей жизни построения развитого социализма, утром и вечером проходит торжественная «линейка».

Под осеняющие с небес звуки национального гимна большие и маленькие патриоты Америки в счастливых слезах умиления воодушевлённо следят за поднятием и спуском полосато-звёздного флага. При этом наиважнейшем ритуале принято громко подпевать, фанатично преданно глядя на священное полотнище, держа правый кулак в области сердца.

Мне как продукту отечественной педагогической системы оставалось только горестно позавидовать тому, на каком высоком уровне поставлено патриотическое воспитание в американских школах.

Словно расчерченные по линейке стройные ряды одинаковых крестов уходили за горизонт. Изредка вместо креста можно было увидеть шестигранную звезду Давида или исламский полумесяц. Но эти незначительные различия на таких же коротких, едва доходящих до колена столбиках из светлого камня только подчёркивали единство судеб, скоротечность человеческого мирского пребывания и его неизменного завершения смертью, что рано или поздно забирает всех без исключения.

— Нет, ну ты представь, лучшие пляжи взяли и за здорово живёшь подарили америкосам, — негодовала мадам Тамарá, с неприязнью глядя на весёлое американское семейство-«сумоистов» в одинаковых гигантских шортах. — Теперь вот янки разгуливают, как у себя на Манхэттене! — не унималась она, забыв, что совсем недавно

проживала в посёлке Монино, обшивая на дому местных модниц.

Действительно, если спуститься к океану, то можно было попасть на небольшой очень уютный чистый пляж, что просматривался с возвышения сквозь деревья. Но большее недоразумение я испытала не от того, что Франция пожертвовала американцам территорию с захоронениями времён Второй мировой, прихватив чудесный пляж на побережье, а от того, что я увидела в небольших павильончиках на пересечениях кладбищенских «улиц».

Эти скромные сооружения музейно-мемориального назначения напоминали открытые часовенки. Роднило их то, что в каждой вместо иконостаса на стене располагалась карта военных действий. Судя по этим «историческим документам», Великая Отечественная война была полностью выиграна американцами, что вовсе обошлось без помощи советских войск.

Я обратила на это внимание Тамары, но её больше занимало то, что детям пора обедать. (Позже она показала мне географический атлас, на котором вообще не было России. Представляете, вместо той большой страны в мире — только белое пятно и не обозначено ни одного города, даже Москвы нет. Наверное, снегом занесло...)

Мы спешно покинули территорию США, где так самозабвенно чтут историю.

— Себастьян, найди по навигатору ближайший ресторан с муляями, — словно прочитала мои тайные мечты мадам Тамара́.

«Мульфритами» (ресторанами, где подают «мули») щедро усеяно побережье Нормандии. Их выносят в дымящихся круглых чанах, напоминающих семейные чугуны среднерусской полосы. В чёрных скорлупках величиной с крупную черешню скрывается ярко-оранжевый моллюск. По воздействию на мозг и на вкусовые рецепторы это яство можно сравнить с сильнодействующим наркотиком.

Позднее, в отличие от глумливых Флорансов, Лакарены на самом деле высылали мне в Барнаул увесистую банку консервированных мулей. Но это было совершенно не то! Вкус даже отдалённо не напоминал знаменитое блюдо прибрежных ресторанчиков. Видимо, такого волшебного вкуса можно добиться

лишь вблизи океана, приправив свежатинку укропом и майонезом.

Все, кроме Тамары, ели молча и дисциплинированно. Роль раскрепощённого харизматичного «моторчика» в этой семье безраздельно принадлежала именно ей:

— Ой! Вы посмотрите только, вон тот старикан за соседним столиком ест со своим лабрадором из одной тарелки. Мерд!

— Зачем ты так, дорогая, сэ багатэль²⁹. Сё па грав!

— Знаешь, Леночка, все французы — ужасные лицемеры. Будут с тобой вежливо разговаривать, улыбаться елейно, а за глаза та-а-ак обкакают, что оля-ля! Только я могу всю правду в глаза сказать!

Наблюдая за тем, как супруг разливает по бокалам густое вино, мадам Тамара́ со свойственной ей непосредственностью, не смущаясь присутствия мужа, продолжала наставлять меня и посвящать в тонкости местных нравов:

— Смотри не напейся, они здесь знаешь как мало пьют!

— Да ужжж... Заметила!

— Я по-первости закидывалась от скуки по-нашему. Так мой дорогой Себастьян встревожился: «Рашен алхоголик!» Пришлось закатить грандскандал!

15. ПРОИСШЕСТВИЕ В МУЗЕЕ

*...Господи, сделай так, чтобы я мог
утешать, а не быть утешаемым,
понимать, а не быть понятым,
любить, а не быть любимым...*

(Молитва Святого Франциска Ассийского)

За несколько дней, проведённых в семье Лакаренов, я посетила гораздо больше музеев и ресторанов, чем за всю свою жизнь. Надо отдать должное темпераментной Тамаре — она возилась со мной, словно родная сестра. Знакомила с людьми, покупала мне вещи в бутиках, строила планы по устройству моего будущего во Франции.

Из огромного чувства благодарности я пыталась изо всех сил сделать для моих новых друзей что-нибудь приятное. Так любимые на родине

«крабовые палочки» французы, презрительно морщась, называли «суримй» и есть их категорически отказывались, пока я однажды не приготовила из них наш традиционный салат со сладкой кукурузой, что знают все, даже начинающие русские домохозяйки. Потом меня просили готовить его каждый раз.

Вскоре стала ясна истинная цель моего пребывания в апартаментах Лакаренов. В первый же вечер мадам Тамарá попросила меня проконсультировать её в сфере фэн-шуй. Затем мне доверили начертить схему огромной квартиры, определив фэн-шуйские зоны. А после хозяйка настоятельно попросила активизировать сферы: «Богатство», «Любовь» и «Карьера». По пути в музей и выставочные залы мы больше рыскали по магазинам в поисках необходимых предметов: красных лент, постеров, колокольчиков, символических фигурок лягушек, черепах и уток-мандаринок. Мы работали с утра до поздней ночи, меняя цвет в комнатах на нужный. Передвигали мебель, сверяя направления сторон света по компасу.

Особенно радовало моё пребывание в доме трёх русских сыновей Тамары: Сержа, Атема (Артёма) и маленького Николя. Мы с удовольствием проводили время: разговаривали, рисовали, катались на роликах. У них была няня-испанка — неопрятная, необщительная и насквозь пропахшая табаком. Баба Яга в молодые годы. С детьми, кроме командного тона, в доме больше никак не общались.

Мадам Тамарá при малейшем отклонении от намеченного ею курса впадала в такую ярость, что ни одному здравомыслящему человеку не приходила на ум опрометчивая мысль послушаться госпожу Лакарен. Девиз семьи был примерно таков: «Если попытаешься дёрнуться — лучше б тебе на свет не родиться!»

Я всё никак не могла понять, почему мадам Тамарá так заботится обо мне и так бесконечно добра, несмотря на свою явно стервозную сущность, пока до меня не дошло, что, кроме меня, ей и заняться-то особо нечем. Она кормила меня, одевала, поучала, демонстрируя своё превосходство и каждый раз подчёркивая принадлежность к недоступному для меня высшему европейскому сословию: «Мой Себастьян очень высокоплачиваемый началь-

ник в крупной компании!» А меня можно было безнаказанно показывать знакомым как ярмарочного уродца или редкую зверушку:

«— А эта девушка знает откуда?

— ?

— Из Сибири!

— Не может быть!!!»

Я была просто новой игрушкой капризной девочки. Но, приведись тут остаться, интерес сразу будет утрачен. Выплывай сама как знаешь! То, что «сибирский медвежонок» госпоже быстро надоедал, становилось понятнее день ото дня.

— Лена, ты в душ пойдёшь, так поскромнее воду расходуй. Это тебе не наша Раша, где ничего по жизни не берегут. Тут каждая капля на учёте и денег стоит!

— Хорошо...

— А почему тебе Месье с собой денег не дал? Ведь в Кане очень дорогой проезд. А я завтра поведу тебя по музеям. Будем ходить целый день, проголодаемся, конечно, зайдём в кафе. О чём он думал? А ты почему не намекнула? Хотя да, — ты же без языка. Жё нё парль па франсэ³⁰. Но всё равно вы ж как-то общаетесь?

— ...

Я не знала, как объяснить, что люди отлично понимают друг друга на любом языке, когда хотят понять. Но в последнее время он, похоже, наигрался с «заморской диковинкой» и больше не обращал на меня внимания. Я готова была провалиться сквозь землю от стыда и осознания своей ничтожности и ненужности.

Лакарены занимали пентхауз — весь этаж на верхнем этаже четырёхэтажного дома. В отличие от всех остальных жильцов, они имели не только более внушительную жилплощадь, но и широкую террасу на открытом воздухе. Надменный портё в подъезде совершенно по-разному реагировал на супругов, когда им приходилось появляться отдельно. Себастьяну он заискивающе медоточиво улыбался, проявляя стопроцентную готовность нежно донести месье Лакарена до его квартиры на руках. Видя мадам, генеральный директор прихожки делал важную мину, подчёркивая, что ему хорошо известно, кто в доме настоящий хозяин, а кто временно прилепился. При внешней вежливости эти двое люто ненавидели друг друга.

Мадам Тамара́ была очень увлечена искусством, посещала курсы дизайнеров и визажистов. Это давало ей несомненные преимущества при общении в кругу коллег мужа. Благодаря ей я тоже повысила свой культурный уровень и узнала, что Жюль Сезар — это Юлий Цезарь по-французски, а Винсента Ван Гога на местный манер и вовсе зовут Ванса́.

Правда, большой вклад в дело моего образования внесли сыновья Тамары. Когда мы с мальчиками смотрели «Гарри Поттера» на французском языке, перевода не требовалось, мы и так знали всё наизусть. Зато я узнала, что в языке любви, оказывается, нет буквы «х»! Гарри Поттер в французском варианте звучит — Ари́ Потэ́, лесник Хагрид — Агрид, школа волшебства Хогвардс — Огвардс, а Гермиона вообще Жерми́н. Бедные люди, как же они обходятся без такой нужной буквы?!

Мы шли с победоносной Тамарой по брусчатым мостовым города Кана в местный музейный комплекс, расположенный в старинном замке с башенками, напоминающими шахматные ладьи. Не обращая внимания на деление улиц на пешеходную и проезжую части, неукротимая завоевательница вела меня за руку, как испуганного ребёнка. Все автомобили предусмотрительно тормозили перед такой самоуверенной царственной особой, а я тушевалась:

— Том, пошли по тротуару, а то задавят...

— Под колёса попадают люди с завышенной самооценкой, а я всегда секу ситуацию.

Можно, конечно, так безапелляционно заявлять, когда машины повсюду в Европе перед пешеходами останавливаются — неслыханное дело! Барнаульские же водители настолько суровы, что при виде переходящего дорогу замешкавшегося разини, наоборот, прибавляют газу с единственной целью задавить гада. Так что мои земляки чётко усвоили с детства, что в иерархии ценностей автомобили стоят выше всех нас, так как явно сильнее, да и денег стоят.

Мы уже довольно долго шагали по идеально чистым каменным дорожкам городского центра и нигде не встретили ни единого деревца, даже клумбы с цветами были подвешены на фонарях для экономии пространства. От раскалённого воздуха, монохромных серых стен и обилия чер-

нокожих можно было бы вполне предположить, что мы гуляем где-то в Мозамбике или Заире.

Лишь уличные музыканты поколебали это наваяние. По зажигательным ритмам, загорелым исполнителям в цветастых майках, бусах, татушках и дредах стало совершенно ясно, что мы вовсе не в Африке, а в Латинской Америке.

На входе в музей мадам Тамара́ в чём-то долго убеждала кассиршу и служителей. Она показывала своё студенческое удостоверение с дизайнерских курсов и выбила значительную скидку в цене билета. А после набившего оскомину сенсационного сообщения:

«— А эта девушка знает откуда?»

— ?

— Из Сибири!

— Не может быть!!!» — мне в порядке исключения разрешили не сдавать на хранение фотоаппарат, но строго-настрого запретили фотографировать интерьеры и экспонаты.

Мы долго ходили по величественным залам, обозревая нетленные шедевры: помпезные романтические полотна с соцветиями струящихся драпировок в золотых массивных багетах. Самое удручающее впечатление, особенно в сравнении с этим великолепием, на меня произвел зал моих любимых ранее импрессионистов, любимых до того самого момента, как я увидела их произведения воочию. То, что на альбомных иллюстрациях казалось удивительно ярким и жизнерадостным, в жизни оказалось тусклым, пожухлым, стиснутым в тесные рамки малых форматов.

Расстроенная этим ужасным открытием, я понуро поднялась на второй этаж, стараясь не слушать искусствоведческие выкладки из программы дизайнерских курсов.

И вдруг я увидела — ЕЁ!!!

Это была ОНА!!!

Моя любимая картина!

Я и не подозревала, что когда-нибудь увижу подлинник. Это произведение будило фантазию и уводило в воображаемую страну с самого раннего детства, ведь репродукция висела над моей кроватью всегда, сколько себя помню. Знаменитая работа кисти оригинального нидерландского живописца эпохи Северного Возрождения Питера Брейгеля Старшего. В сложной многофигурной композиции маленькие люди жили своей

загадочной жизнью в уютной волшебной стране. Они толпились, разбегались, суетились... Но над всем этим словно завис трагический космос, диктующий непреклонные законы неизбежной судьбы, где человек лишь беспомощная песчинка, затерянная в бесконечности. Только теперь мне посчастливилось узнать, что это полотно, бывшее свидетелем моего взросления, называется «Перепись в Вифлееме» и датируется 1566 годом. Картина принадлежала музею старинного искусства в Брюсселе и, наверное, специально приехала в Кан, чтобы встретиться со мной, ведь мы так долго знаем друг друга.

Конечно, мне моментально пришла в голову крамольная мысль — сфотографироваться рядом с раритетом. Я огляделась, кроме нас с Тamarой, в зале никого не было.

— Том, щёлкни по-быстрому, пока никто не видит!

К огромному удивлению, мадам Лакарен, супругу высокопоставленного парижского чиновника, надменную и заносчивую, причисляющую себя к сливкам высшего общества, подбить на мелкое хулиганство оказалось проще простого. Видимо, внутри её головы сидел в засаде сам Великий Комбинатор, в любой момент готовый к весьма неожиданным выходкам. Она и внешне напоминала актрису редкого трагикомического амплуа. Если бы не нос с породистой горбинкой — вылитая Любовь Полищук.

Но как только мадам Тамара сделала первый снимок, в тот же момент сработала невидимая сигнализация. Словно тараканы из всех щелей спешили служители высокого искусства на расправу с нарушителями закона. Задыхаясь в праведном гневе и возмущённо шипя, они обступили нас плотным кольцом. Как мы могли так глупо лохануться? Ведь прекрасно знали, что в музее ведётся видеонаблюдение и вообще всё у них утыкано электроникой. Чувствуя, что сейчас нас просто начнут рвать, пока не откусят кругленький кусочек штрафа, идейная наследница Остапа Бендера взяла ситуацию в свои руки.

— Мадам, месье! Прошу внимания! Мы совершили нарушение, но только из чувства долга и любви к великому наследию гениев прошлого! Познакомьтесь, перед вами искусствовед из далёкой заснеженной Сибири! Мадам Элина́ занимается изучением творчества Брейгеля и при-

ехала сюда специально, чтобы встретиться с предметом своих многолетних исследований. Просим не наказывать нас строго, ведь учёный не мог удержаться, чтобы не запечатлеть на память предмет своих научных изысканий. Мадам Элина́, скажите товарищам по культурному цеху, как звучит тема вашей докторской диссертации? — И уже на родном языке, обращаясь ко мне: — Говори что-нибудь по-русски, балда, не важно что, быстрее. Кому говорят — говори!

Я, не понимая, о чём так пространно и напыщенно вещала музейщикам моя провожатая, пролепетала примерно следующее:

— Простите нас, пожалуйста... Это случайно получилось... Мы больше не будем... Честное слово...

В французском переводе в интерпретации авантюристки Тамары мои слова были истолкованы следующим образом:

— Профессор культурологии весьма смущена, ведь название изобилует сложными научными терминами и вряд ли будет понятно широкой публике. Но если объяснить проще, то предметом изучения Большой академии искусств Сибири стал сравнительный анализ сюжетов раннего периода Брейгеля Старшего с пейзажным фоном древнего наивного лубка, найденного на печных изразцах старообрядческой заимки в глухой тайге, где не ступала нога цивилизованного человека. Мадам Элина́ восхищена высоким культурным уровнем Франции, влюблена в атмосферу свободного творчества и развития. Она готова прочесть лекцию французским коллегам. Вопросы гонорара, координация расписания через личного помощника и переводчика, то есть через меня.

Музейные работники остались весьма впечатлены тем, что в девственных районах тайги, отапливаемой размалёванными печами, есть безумцы, которые, невзирая на вечную мерзлоту и пьяных медведей с балалайками, всё же тянутся к цивилизации и изящному искусству.

Посещение канского музея закончилось массовым братанием с работниками сферы сохранения культурных ценностей и радостно возбуждённой фотосессией с коллективом музея на фоне строгой и загадочной «Переписи в Вифлееме».

Ничего, видать, не изменилось в европейских

пенатах с 1566 года — те же суэта, вранье, борьба жалких амбиций, возня, мелочность и убогость земного бытия. А над этим всем великое страшное беспощадное Нечто. Следит за каждым шагом, всё видит, всё запоминает, и не скроешься никуда — судьба-аа!

Пребывание в гостях в благочинном семействе Лакаренов можно было сравнить лишь с заключением в колонию, но в которой местное начальство по каким-то причинам временно благоволит к одной из несчастных заключённых учительниц.

Дети ходили по струнке и придерживались строгого, почти армейского расписания. Месье Себастьян напоминал аскетичного католического святого Франциска. Солнечный альбинос, сухой, худощавый до истощения, он был бесконечно добр ко всему живому и так же бесконечно снисходителен к своей строгой русской жене.

Особой гордостью хозяйки был гигиенический душ в туалете, с помощью которого можно было моментально подмыться после испражнения, практически не вставая с унитаза. Эта важная процедура чётко контролировалась мадам. Каждый раз, когда кто-то из обитателей квартиры пытался уединиться в отхожем месте, она совершенно ненавязчиво напоминала, что необходимо пользоваться изобретением передовой сантехнической мысли.

Следуя заветам святого Франциска, муж-подвижник стоически сносил тяготы жизни. Всю неделю отец Лакарен работал в Париже. Приезжая домой лишь на уик-энд, до предела занимал себя домашними заботами: что-то мастерил, самостоятельно делал текущий ремонт, пересаживал цветы и, когда был дома, готовил только он.

У месье Лакарена был лишь один недостаток — он был настоящий сырный гурман. Для ежедневного торжественного смакования сыра в шикарной многокомнатной келье аскета отводился специальный кабинет. Дети, успевшие подсесть на этот наркотик, называли ритуал — «час, когда мы разворачиваем сыр!». Название произошло, наверное, от того, что каждый драгоценный кусочек был самым тщательным образом завёрнут в яркую упаковку. Обязательными неразлучными составляющими священного «часа», как водка-огурчик или

пиво-чипсы, являлись, как минимум, три вида сыра: камамбер, ливаро и пон-л'Эвек.

Одной из разновидностей «часа разворачивания сыра» было фондю — священнодействие семейства вокруг фондюшницы. Главным служителем сырного культа был сам месье Лакарен, это было его единственным приоритетом, во всех остальных сферах руководила мадам Тамара.

Тонкими анорексичными дряблыми ручонками Себастьян нежно поджигал спиртовку, подогревающую большую металлическую блестящую чашу, в которой топились и пузырился сыр. Словно ученики алхимика, домочадцы с придыханием, как волшебными палочками, мешали длиннющими вилками в волшебном котле.

Глава семьи освещал паству лучистой улыбкой Пьера Ришара. Миряне отвечали духовному отцу той же любовью, макая в расплавленную биомассу кусочки картошки, мяса, хлеба, практически любого продукта, что находили на данный момент в холодильнике, и с аппетитом уплетали. Amen!

Но всё хорошее когда-нибудь заканчивается, остались позади вечерние посиделки на открытой террасе с ликёром и медитацией на городские огни, кафе и пляжи в окружении дисциплинированной семейной бригады, в едином порыве слаженно работающей над созданием положительного имиджа. Сегодня всему этому предстояло закончиться — за мной придет Месье.

С трепетом, большими надеждами и страхом я ожидала этой встречи. Хотелось, чтобы милый Месье относился ко мне, как в тот единственный наш романтический вечер, когда плыла под ногами земля и сердце, как бутон, расцветало от счастья. Занозой в мозгу сидел страх, что отчуждение, которое выросло между нами, усилится и встанет перед нами каменной стеной.

Когда долгожданный звонок в дверь наконец задребезжал, душа забилась пойманной птицей. В дверях стоял уставший, словно постаревший, но всё равно прекрасный Месье, держа за руку... (о, боже!) зловредного пюпоса!

Благочинное семейство перецеловалось с гостями, согласно ритуалу, и я тоже в ряду прочих была удостоена Месье четырьмя положенными приветственными поцелуями в обе щёчки.

Дети были отправлены в детскую, а взрослые расположились на зелёной террасе пить

извечный кофе, что употреблялся здесь вёдрами и даже на ночь. Мадам Тамара́ приготовила для встречи дорогого гостя, достойного их высокого статуса, красивый кекс с залитыми желе фруктами и ягодами.

Несмотря на то что торт был до предела низкокалорийным, мадам Тамара́ сообщила нам — сразу после ужина ей необходимо будет провести сорок минут на беговой дорожке, так как съеденный крохотный сладкий кусочек ни в коем случае не должен превратиться в килограмм жира на её девичьей фигуре:

— Увы, друзья мои, приходится строго следить за весом. Как все русские женщины, я весьма предрасположена к ожирению, — и незаметно прошептала в мою сторону тихо по-русски: — А то неизвестно ещё, как может жизнь повернуться. Нужно всегда быть в тонусе! Мало ли что...

Моментально сменив маску прожженной куртизанки-заговорщицы на официально-сердечное выражение королевы Англии на встрече с подданными:

— Месье, Элина́ нуждается в правах на авто. В России с этим проще. По себе знаю, как это — сдавать экзамен по вождению на чужом языке. Вам необходимо оплатить для вашей невесты водительские курсы именно на её родине.

— С какой стати? Я ещё не сделал этой мадемуазель официального предложения, чтобы оплачивать её нужды.

Овета Месье я сразу не поняла, но по изменившимся лицам благородного семейства было очевидно, что им была высказана убийственная фраза.

— Тома, что он сказал? Что?!

Неловкая пауза нависла чёрной тучей и готова была разразиться молнией, чтобы добить меня окончательно, но буйный инфант внёс необходимое как воздух оживление. Застоявшийся болотный покой мещанского царства накрыло всеразрушающей волной стихийного бедствия, именуемого пюпюс-вульгариус. Видимо, он сделал что-то такое, что в детской поднялся общий рёв, сравнимый лишь с пожарной сиреной.

— Мама, этот придурок разбил нам компьютер!!!

16. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОЙ ЛОЛКИ

*Библия учит любить ближнего своего,
а Камасутра поясняет,
как именно это нужно делать...*

(Популярное интернет-высказывание)

В атмосфере дома Месье чувствовалась опасная наэлектризованность. Предмет раздражения вычислить было несложно. Каждый день начинался с общения с мужем Лолки, которого та называла не иначе как «мой глупый Луи де Фюнес».

Прототип темпераментного актёра сначала ежедневно звонил Месье, интересуясь, не знает ли тот, где находится его жена. Затем нагрянул с несанкционированным визитом, что не могло не взбесить хозяина. Обнаглев, зачастил, пытаясь уличить Месье во лжи и прелюбодеянии, а главное, застать в чужом доме свою блудную Лолó. Наконец, его перестали пускать в дом. Это, конечно, усилило подозрения и практически подтвердило самые ужасные предположения обманутого супруга.

Месье лютовал, о чем-то подолгу говорил по телефону со своим адвокатом, грозился обратиться в полицию. Но однажды в полдень из поместья увезли пюпюса, передав его на попечение мамочке. Энергетика дома сразу стала иной — сам собой воздух очистился, проблемы перестали казаться неразрешимыми. Вновь в нашей жизни появились улыбки, прогулки и лёгкий флирт.

Однажды случилось обедать с Месье наедине, что удавалось крайне редко, так как в доме почти всегда гостили многочисленные друзья либо пюпюс заменял их всех сразу.

Я выпила много вина, волнуясь в надежде на близость. Между нами возникла шутивая борьба за обладание последней оливкой на блюде. После яростного сражения вилками мне удалось схватить оливку и выбежать из-за стола, на ходу судорожно запихивая добычу в рот.

Месье не сдавался и ринулся в погоню. Когда «догоняшки» вокруг стола увенчались безоговорочной победой Месье, оливковый приз был удачно мною проглочен. Оказавшись зажатой в крепкие объятия победителя, я билась и визжала, как пойманный в капкан зайчонок. Но выр-

ваться из железных тисков не было никакой возможности. Даже при ясном понимании, что это лишь игра, сердце замирало от страха.

Повелитель, испытывая необыкновенное удовольствие, наслаждался своей властью над слабой жертвой, бьющейся в его мощных руках. Таким удовлетворённо весёлым я никогда прежде его не видела. Меж тем мучитель сжал меня ещё сильнее, прижав всем телом к стене. Открыл рот и, медленно надвигаясь на лицо, сжал зубами мой нос. «Сейчас откусит, сволочной людоед!» — обдала кипятком ужасающая мысль.

Зубы впивались всё сильнее, причиняя не столько боль, сколько сковывая страхом от невозможности дёрнуться. При каждой моей попытке вырваться изверг сильнее сжимал челюсти. Истязание длилось гораздо больше, нежели полагалось для шутки. Нет, не обманывает мистическая наука — физиогномика. Столь поразительное сходство Месье с экраным каннибалом было предупреждением свыше, но тщетным, как всегда случается с опрометчивыми жертвами маньяков.

Перспектива остаться без носа меня совсем не радовала. Ладно бы ещё лишиться уха, как несчастный соперник свирепого Тайсона на ринге. Там хоть недостаток можно спрятать под длинными волосами. А недостаток носа не скроешь ничем. Для молодой женщины нет ничего ужаснее, чем быть так нещадно изуродованной!

Из последних сил мне удалось высвободить ладонь, и я ткнула пальцем между рёбер мучителя. Месье охнул. Этой секунды хватило, чтобы высвободить мой несчастный нос из хищной пасти:

— Полис, хелп! Хелп!³¹ — истошно заорала я неузнаваемым голосом, чем неожиданно развесялила Месье. Ослабив хватку, он от души расхохотался, запрокинув голову.

— Какой ещё «полис»? Где ты видишь тут полицию? — он кивнул на стеклянную стену гостиной, за которой простирались его обширные владения с полями, конюшнями, скирдами сена и далёкими деревьями на горизонте. — Тебе никто никогда не поможет! Вот возьму и закопаю тебя во-он под той яблоней, и даже искать никто не станет. Ушла, скажу, куда-то. Чёрт их разберёт — загадочная русская душа! И мне поверят.

— А остальные люди?

— Они подтвердят, ведь никому не нужны проблемы из-за каких-то эмигрантов.

Обречённо поняла, что он прав — я здесь одна и полностью в его власти. Он может сделать всё, на что хватит его совести, и никто меня не защитит. Я лишний элемент в этой системе. У меня меньше прав, чем у этой французской мухи, ползущей по белой скатерти.

Внутри, там, где спряталась испуганная душа, будто что-то тяжело и скоростижно скончалось, наверное, недоношенная мертворождённая любовь.

Зато теперь я больше не желала близости с господином и не трепетала, задыхаясь в смущении, когда он случайно касался меня. Спать я ушла рано, без вечернего ритуала из манящих взглядов, нежных поглаживаний и особо значимых поцелуев на ночь. Почувствовала себя спокойно, лишь заперев комнату не только на ключ, но и на дополнительную щеколду. Скорей бы домой!

Но моему сну не суждено было длиться безмятежно. Посреди ночи меня разбудил звонок на сотовый. Мало чего соображая спросонья, я с трудом поняла, что стон и всхлипывания в трубке — это безутешный плач Лолки:

— Я ж теперь сам-бля, без ансамбля! — как заведенная повторяла она сквозь рыдания любимую поговорку русских эмигранток, что означало утерю покровителя, так как «ансамбль» по-французски — «вместе».

— Лолик, что случилось? Ты где?!

— В гостинице, в Кане. Если вы не заберёте меня утром — мне капец! Я тут задолжала... Короче, пиши адрес...

Просьбу забрать подругу из гостиницы Месье выслушал без особого энтузиазма, с выражением острой зубной боли на лице.

— Мадам Лоло́ ждут большие проблемы, дорогая. Я не хочу быть втянут в чужие интриги. Сыт по горло общением с её супругом. И если власти экстрагируют эту легкомысленную мадам туда, откуда она приехала, думаю, всем будет гораздо спокойнее.

«Всем гораздо спокойнее без твоего пюпюса!» — подумала я и закатила истерику, на какую только была способна. Я рыдала-умоляла, но

ничего не действовало на жестокосердного Месье. Он оставался холоден и непреклонен. Тогда в отчаянии, зажав в кулаке ключок с адресом гостиницы, я отправилась пешком вызывать подругу.

Через полчаса пешего хода боевой пыл мой совсем остыл. Я громко рыдала в голос, когда на подходе к трассе со мной нехотя поравнялся автомобиль Месье. Конечно, первый же полицейский выяснит, у кого я остановилась, что для приглашающей стороны совсем не комильфо!

Маленькая гостиница располагалась напротив железнодорожного вокзала и имела явную узкую специализацию. Даже я при всей своей провинциальной наивности понимала, что яркие группки женщин у входа — местные жрицы любви. Они решительно отличались от всего остального женского населения Нормандии, как яркие бабочки-махаоны от мелкой серой моли в пыльном шкафу.

Все разноцветные пюта́н³² были словно специально собраны со всего света по единственному признаку — тёмный оттенок кожи. Цветовая гамма оголённых тел варьировалась от светлокофейного до иссиня-чёрного.

Одеждой они так же отличались от скучного помято-линялого гардероба местного населения. Буйство красок напоминало, что где-то ещё существует безумный карнавал Рио-де-Жанейро. Оранжевая сетка чулок на бесконечных ногах высоченного шоколадного трансвестита в боа из кислотно-лимонных перьев венчала данный цветник, как вишенка на торте.

Лолка встретила нас, рассеянно моргая заплаканными глазами. В крошечной комнатке кровать занимала всю жилую площадь, оставляя лишь узкий проход, в котором едва помещались казённые тапочки. Все вещи были упакованы и ждали в двух тугих чемоданах у дверей, но по всему широкому кроватному полю были раскиданы помады, тушь, тени, духи и мелкие монеты.

Зная, как щепетильно относится Лолка к своей косметике, я удивилась, что она небрежно швыряет её в сумку вместе с мелочью. Закрывая дверь, подруга несколько раз уронила ключ от номера, чем вывела Месье из себя. Он демонстративно направился к своей машине, словно не замечая увесистый Лолкин багаж.

Подъезжая к помпезным вратам поместья, наше общее, совместное, тройное сердце одновременно ухнуло вниз и закатилось под сиденье — впереди нас поджидал у своего смешного неказистого автомобильчика подбоченившийся сердитый силуэт Луи де Фюнеса.

Обманутый супруг словно сердцем чувал, где искать неверную Лоло, и специально решил подловить Месье на лжи.

Пошатнувшуюся репутацию миллионщика спасла совершенно лишившаяся всех чувств и разума беглянка. Лолка медленно сползла на пол автомобиля и затаилась, прикрываясь стянутым с сиденья пледом.

Невозмутимый Месье едва кивнул несчастному преследователю, направляя автомобиль к дому. В окне проплыло расстроенное лицо экранного комика в крайней степени подавленности. Прямая спина Месье, его мускулистые руки, неспешно и уверенно правящие рулём, спокойное выражение лица, напоминающее маску терминатора, говорили о том, что ничего необычного не происходит и вообще дежурить у ворот поместья — обычное занятие всех обманутых луй де фюнесов.

После двухчасового мытья в ванной, где несчастная моя подруга, видимо, пыталась смыть всю прилепившуюся к ней, и особенно к её душе, грязь, Лолка наконец поведала о своих злоключениях. Она расположилась на моей кровати с пластиковым бочонком вина в обнимку. Пила большими глотками полусладкое «лекарство» и говорила-говорила-говорила...

— Расскажу те щас свои галеры³³. Всё произошло в Париже. Там мон ами Жиль-Кристо́ф сделал мне большую козу, да та-ак, что теперь не скоро очухаюсь!

Так я впервые узнала, что у загадочного неуловимого Лолкиного любовника, которого так никто никогда и не увидел, оказывается, есть имя, такое же склизкое, роковое и неоднозначное, как моё представление о нём, — Жиль-Кристо́ф!

— Недаром мне этот парижопель ещё в первый раз поперёк горла встал, — продолжала подруга свой горестный рассказ, громко отхлёбывая из кружки вино, как пьют чай неотёсанные дере-

венщины, — когда с Луи де Фюнесом припёрлись туда документы мне справлять. Нормальные-то люди в разгар лета по курортам-пляжам...

А
мы
вот
приехали
в Париж
грин-
карту-
то
добы-
вать.
А там
езде
толпа,
жара,
аж под
ногами
асфальт
плавится.

Паркинг
найти — это
проблема
проблем. В
префектуре
очереди, как
на родимой
сторонушке!!!

Намаялись мы
по кабинетам. Ну,
когда бюрократы на обед
закрылись, вышли на улицу
мы с грибом этим-то поганым.

Слоняемся. У Эйфелевки два больших

автобуса и с русскими туристами.

Все радостные так акие. Глаза горят.

Фотоаппаратами так щёлкают. Счастливы

все очень, что в этом-то Парижике оказались.

Гляжу на них, завидую. А у меня только одна

мысль, взобраться бы на железную «дуру»

и сброситься, чтоб всмятку! И не гляди!

Выхода другого я не вижу!!!

— От тоски чёрной я с этим уродом связалась!
— С каким именно-то: со вторым или с первым?

— Да с любимым!!! Когда у нас ещё только началось всё, меня Жиль-Кристо́ф постоянно в Париж тянул. Поехали, мол, будем в красивой гостинице каляны³⁴ делать. Я и подозревать не могла никакого подвоха. С удовольствием согласилась — хоть столицу с нормальным мужиком посмотреть спокойно, а то с моим старым сморчком всё бегом да наскоком.

Не поверишь, я в Лувре всего только один раз была. «Мону Лизу», правда, удалось лицезреть — мельком глянуть. Незабываемое впечатление! Слово на заплесневелой доске, что пролежала в лесу сорок лет под корягой, какой-то силуэт едва прорисовывается. А перед ним восхищённая толпа придурков. Ахи да охи! Успела только на затылки людские полюбоваться.

В русской-то сказке Иван лягушку-царевну целовал, а во французской сказке принцесса поцеловала жабу и она превратилась в прекрасного принца. В жизни же всё — увы! — наоборот, сразу же после свадьбы прекрасный французский принц превращается в жабу — «крапо» или, того хуже, в «крапюль» — мерзость. Похожие слова.

В нашем случае и до свадьбы ждать не пришлось. Если встречу гада — сразу «фаберже» вырву... с проводами, чтобы не размножались такие крапюли на земле!

Помню, телепередачу смотрела одну про насилие в семье, там тётка-африканка била мужа жестоко и систематически. Их соседи однажды на скрытую камеру сняли, в полицию заявку накатали. Так, не поверишь, он стоит в кадре, полное чмо, как в штаны наложил, и, вместо того чтоб хоть как-то защищаться, лепечет: «Энкруабль³⁵, энкруабль...» И слёзы в три ручья!

Вот и я своего бы так отметелила! Аж руки чешутся! У меня на шее от злости словно були³⁶ надуваются! Убью падлу!

— Да что случилось-то, в конце концов?!

— Ну, короче, уговорил он меня в Париж на выходные. Только, говорит, там парковку найти нереально, поехали так — без авто. А это ж тебе не по-быстренькому за пять сек в соседний виляж смотаться. Сначала надо на электричке и только через 40 минут в Лизоне пересадка. Хорошо хоть в поезде сиденья мягкие, как в «Икарусе», а то бы вся жоуп — всмятку. Потом на вокзале — ожидание полчаса, после

этого ещё два с половиной часа на другой электричке до Парижа трястись. Всего в дороге примерно около трёх часов. Прикинь!

Намаялась я до одури по пыляке вокзальной мотаться. Устала, как сволочь.

Меня изначально предчувствие какое-то хорошее одолевало, а тут ещё подходим к гостинице — и как из-под земли цыганка страхолюдная такая. Пристала ко мне. Давай за руки хватать. Орёт чего-то. Типа опасность! Опасность!

А этот хоть бы хны, идёт себе такой тимид³⁷ тимидом, не торопится оборонять меня от полудурюшной старухи. Мне бы сразу тогда задуматься!

— Ну и что, сбьлось предсказание? Опасность-то была? — почувствовала я близость развязки в бурном отрывочном рассказе подруги. — Да, видимо, ушлые цыганки, потомки Эмеральды и Квазимодо, обосновались у собора Нотр-Дам со времён Виктора Гюго.

— Вот слушай про опасность. Только этот сюжет табу³⁸. Ты ж, надеюсь, понимаешь. Никому! Особливо нашим, по-русски гутарящим, а то капец — вовек не отмыться. Я и так в обсёре полным!

Короче, после всех вокзальных мытарств бухнулась в постель и уснула как застреленная. А потом будто толкнул меня кто-то. Слышу: мой прынец в коридоре разговаривает с кем-то. Я тихохонько подкралась к двери. Глянула в глазок. Вижу: Жиль-Кристов с каким-то чёрным страшным турком беседу ведёт. Я сначала ушам своим не поверила. Сёдня, говорит, ночью я её жарю (то есть меня!), а утром исчезну по-тихому вместе с кошельком. Тут девушку и заберёшь. Заплатишь за гостиницу и поставишь дуру на счётчик. Как обычно! Русская Лоло — баба красивая. Такие всегда в цене. Доход большой будет... Продам тебя сутенёру, тварь. Потом, говорит, пошли сделку спрыснем. По пивку...

Видала пуритёр³⁹, но такое ещё искать не переискать! Я ж уверена была, что у нас любовь! Показывала ему чудеса Камасутры! Доказывалась!

Заколотило меня. Не помню, жива или мертва. Сердце в каждой клеточке по всему телу стучало. Вещи свои, какие нашла, комом позапихала, а сумки через балкон кинула. Мелочь у него из кармана в куртке выгребла. А

как из гостиницы шемилась — вообще отдельная история. Ноги ватные. Главное, боюсь, чтоб они меня не засекали.

На улицу выскочила... и дёру! По той же схеме до Кана. Считай, меня только знание языка и спасло. А так бы хана! Хотя работа проститутки в Париже престижной считается... Да, шучу-шучу!

Теперь вот придётся перед мужем, старой вонючкой, выворачиваться через жопель розочкой, чтобы в нашу Рашу не выдворили первым рейсом. Он шас ежели жалобнётся в суд, меня депортируют, как нефиг делать, без права переписки.

Утром старому сморчку, по совместительству Луи де Фюнесу, была рассказана трогательная сказочная история, как наивная Лоло поехала на экскурсию в Лувр, чтоб осуществить мечту детства — увидеть знаменитую Джоконду, творение великого Леонардо. Но в Париже злобные цыгане украли у неё вещи, деньги и телефон.

По-моему, это фантазийное эссе мало убедило настырного и подозрительного Луи. Но в данном случае никто не хотел скандала, и объяснение устроило всех.

Несчастному Лолкиному мужу неоднократно приходилось впоследствии расплачиваться за безумную страсть к русской красавице. В среднем дважды в год приходилось этому закоренелому мазохисту вызывать в дом полицию, чтобы утихомирить домашнего тирана, то есть тиранку. Например, только за последние месяцы Лолка нанесла супругу два увечья, а сколько ещё впереди...

Невольным свидетелем одной из драк стала я ещё в России. Во время бесконечных наших телефонных разговоров Луи стал особенно гнусаво канючить, что, мол, пора бы и честь знать, ведь так много денег уходит на международные переговоры. В очередной раз, робко вползая в Лолкину комнату, не успел он ещё ничего прогундосить, как попал под горячую руку. Строгая супруга врезала надоеде телефонной трубкой и сломала нос. Но этого тупице показалось мало. Не прошло и недели, как он осмелился возмущаться, что молодая и яркая жена решила сходить в ночной клуб без него. За безосновательные упрёки нытик был наказан госпожой тем,

что подвернулось под руку. На этот раз бедняге повезло — в руке у Лолки была туфелька с каблук-ком-шпилькой в 14 сантиметров, а не тесак или базука. Этим невинным орудием была испорота щека наглеца. Пришлось зашивать. Но шрамы, как известно, украшают мужчину.

Как сейчас помню последнее моё недолгое пребывание в гостях у подруги. Лолка возлежит в роскошном интерьере барокко, Луи — коллекционер старинной мебели и предметов искусства. Рядом вьётся и сам пришибленный антиквар. Услужливый, слащавый, всё пытается угодить своей богине. То фрукты несёт на блюде, то вино откупоривает.

Вальяжная царица Лолита презрительно злословит, не стесняясь хозяина дома. Всё равно он ничего по-русски не поймёт:

— Глянь, как щерится урод. Вот чучелка, бль! Придушу сёдня ночью подушкой. Тебя, дебил, тебя, вонючка. Только подойди ещё, карлик-дрищ! Как только паспорт получу, кину этого пердиманокля по-быстрому. Нет, ну ты глянь, опять ведь сюда прётся и пироженки тащит. Да чтоб ты сдох! Подавился бы своей пироженкой... Сотворил же Господь такую скотину!!!

17. РУССКОГОВОРЯЩАЯ ДИАСПОРА

*Бывает так: с тобой ещё не выжили,
а уже уважают...*

После возвращения блудной Лолки в лоно семьи возобновилось тесное общение с нашей русской атрибу⁴⁰ (*искаж. франц. — диаспора*).

То, что этот ужасный диалог

«— *А эта девушка знает откуда?*

— ?

— *Из Сибири!*

— *Не может быть!»* преследовал меня по пятам, я упоминала неоднократно. Но обиднее всего, когда родные соотечественники ещё больше французику выкатывают глаза, делая вид, что Сибирь — это исключительно небритые питекантропы в ушанках с красными звёздами, не выходящие из запоя.

Теперь обычное моё окружение состояло из бывшей гражданки Эстонии Илги, мадам Тама-

ры, любовницы соседа-англичанина Ирки и, конечно, Лолки. Круг сузился, замкнулся и затянулся на шее удавкой.

В отличие от всех других нацидиаспор, наша имеет особенности.

1. В подавляющем большинстве русские, живущие за границей, — женщины (чаще всего с детьми).

2. Почти все девушки, решившие покинуть свою родину навсегда, с детства не имели душевной близости со своими мамами. И даже в разлуке отзываются о них с болью и досадой (если откровенно).

3. Русские не тяготеют поддерживать друг друга.

4. Стесняются говорить по-русски.

5. Не афишируют, что они русские.

6. Между собой общаются мало и неохотно.

7. Предпочитают дружить с *настоящими* французами (англичанами, американцами и т.д.).

Любимый анекдот моей компании российских эмигрантов (рассказала любовница Клайва Ирка, не совсем ещё утратившая связи с родной): «Попал мужик в ад. Водит его главный бес по аду, как на экскурсии. Видит мужик три котла со смолой. Возле первого стражи стоят, караулят, чтоб никто не убежал. Но, как только один из котла вылезет, тут же следом за собой другого тащит. Бес поясняет: это котёл с армянами, только одного просмотрим — он уж другого за собой вытянул.

А следующий котёл охраняется ещё больше, это котёл с евреями. Только один вырвется — всех за собой вытянет.

Мужик видит: кипит третий котёл, а около него никакой стражи нет. Бес поясняет: а это котёл с русскими. Его охранять не надо. Если хоть один выберется, его свои русские тут же за ногу хватить — и обратно в котёл...»

В связи с анекдотом вспоминается по-прибалтийски лаконичный обзор Илгой своих служебных обязанностей. Она работала по договору с французской службой безопасности. В её работу входило вести допросы бывших соотечественников, что массово нарушали границу, желая попасть именно на её — Илгино — место:

— Мне-е, если кто-о понра-авиц-ца, я говорю, как сепа на-ато вести-и... чтоп говорил-ли, что стратают от проишвол-ла русских властей... а-а если не понра-авиц-ца, то сразу сдаю...

Актуальной темой этой недели был страшный рассказ о бесславном падении некой общей знакомой Анны Борисевич, которой сначала все очень завидовали, а теперь страшно сочувствуют.

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось!

Анечка Борисевич положила много душевных сил и материальных вложений, чтобы стать законной супругой барона Кристиана де Контэ. Это вам не просто неотёсанный богатея из коношны типа моего Месье, а наивысший ранг, белая кость — голубая кровь.

До того как стать мадам де Контэ, Анечка жила в Киеве, училась в университете на инязе. Анечкин папа-министр на радостях подарил жениху-барону квартиру в центре украинской столицы. И всё бы хорошо, но через два года надоела Анечка барону до крайности. К тому же годовалая дочка почему-то на звание бело-голубой кости никак, по его мнению, не тянула, а имела ярко выраженные народно-холяцкие черты: кражистость, громкий голос и нос картошкой.

За эти недостатки барон решил наказать недостойное семейство — стал пить-гулять, покидать семью на неопределённое время, предаваясь пагубным излишествам в собственном охотничьем домике в компании далеко не дворянского сословия. А по возвращении — на слёзы и упрёки надоевшей жены взял да и выгнал её из фамильного замка ночью на пару с маленькой дочкой. Пришлось им ночевать в холодной пристройке для собак. И началась с этого момента настоящая война, проигравших в которой вычислить было несложно.

Барон де Контэ оказался типом весьма изобретательным. Уверяя всех, что на самом деле он фражиль⁴¹, но вынужден страдать, проживая с сумасшедшей женой, устраивал званые ужины, подсыпая супруге разные интересные психотропные лекарства, чтобы подтвердить публично её неадекватность, после чего с лёгкостью отобрал дочь, а жену уложил в психбольницу. Дальнейшие подроб-

ности личной жизни сливок общества смаковались с особым удовольствием и, как мне показалось, с нескрываемым злорадством.

— И представляете, она там прям в больнице повесилась!

— Ква? Ква?⁴²

— Чо расквакалась? Повесилась, говорю! Да жива, жива. Анфермеры⁴³ её связали и долго в лопитале⁴⁴ держали. Сейчас она в сантр дюжонне⁴⁵. Стала похожа на отист⁴⁶. К ней даже асисстон сосьяль⁴⁷ на дом ходит. Наблюдается психологами у неё проблем де комуникась-ён⁴⁸. И жесты стереотипик⁴⁹ на нервной почве. Но это большая сёкрэ медикяль⁵⁰! Мне знакомый женералист⁵¹ рассказал, он поляк, поэтому почти нашенский. Сынуля у меня младший простыл, пришлось обращаться. Так это хорошо — у меня патрон ещё добрый — дал на больничный сходить. Другой бы уволил без разговоров. Теперь хоть деньги по секьюрити сосьяль⁵² возвратят за лекарства и лечение.

— А ребёнок Анькин как же?

— Девочку папá воспитывает очень жёстко. С матерью видеться не даёт. Ребёнок безвылазно в луазире⁵³.

— Анька-то на что живёт?

— Сейчас не жужжит, сидит на ремі⁵⁴. Делит крохотную комнатёнку со своей бывшей горничной-азиаткой. Из Канска в Кутанск⁵⁵ пришлось переехать.

— Да, сээмю⁵⁶ — это значит с деньгами полная писька, только с голоду не сдохнуть. Покупает всё только на третьих сольдах⁵⁷ и на марше о пос⁵⁸ роется. Не то что раньше — хвостом перед нами крутила. Бегаёт по мелким работам, аж чёрный дым из задницы валит.

— Уж тут последние панталоне⁵⁹ променяешь на сосисбн⁶⁰.

Были варианты и совершенно других «счастливых» историй, как, например, вечный монолог в пустоту невидимому собеседнику благополучной, успешно устроенной Тамары Лакарен:

«Делаю всё, чтобы хоть как-то разнообразить эту мою гребаную жизнь. Просвета не видно, сижу в глубоком духовном кризисе. Писец полный! В любви, вдруг так неожиданно найденной, разочаровалась: скушно, неинтересно, пошло...

Всё ради сыновей закрутила, вот за что и расплачиваюсь. Но знаю: дети будут устроены

в престижный университет. У них будет будущее. А что я им могла дать на родине? Отчима-алкаша? Только тем и успокаиваюсь, что для их блага страдаю.

В жизни-то на самом деле вроде бы всё хорошо — тепло, светло, мило, а ничего не радует. Сижу, как за окном, по ту сторону — жизнь, а по эту — я одна. Сейчас мрака-то на вас на всех понагоню своего. Подыхаю я, как бродячая собака. И кто бы поверил, ведь все так хорошо вроде бы устроилось. Другая б радовалась, что из русской беспросветной ж*** на свет вылезла. Живу с приличным человеком, умным, интеллигентным, обеспеченным даже по европейским меркам, а главное — он ведь любит меня до без ума.

От скуки и сама собираюсь... не поверишь... в университет! Заветам Ленина остаемся верны в любом возрасте. Всё уже оплачено. Не работаю. Муж освободил меня от этой канители. Хожу танцем живота занимаюсь, бассейн, салоны-магазины, в теннис играю. Муж меня по всей Европе возит за собой. У него работа такая. Достопримечательности показывает, за всё платит. На тебе, дарлинг, чего душа пожелает. Рисовать хочешь? Ну, рисуй! Дорогушие курсы в академии дизайна — пожалуйста. Искусство любишь? Организуем тебе личную арт-галерею! Книгу хочешь написать? Издадим, деньги есть. Делай что хочешь! А дарлинг ничего не хочет...

Отупели мы тут все от сытости и пошлости. Ни горя тебе, ни радости... — жаловалась на все лады красавица-перебежчица. — Старалась себя перекроить под чужие лекала, старалась и на русском меньше говорить, довела себя до состояния амнезии. Я и домой не еду, потому что это невыносимо больно.

Девочки, как же так все случилось со мной? Все мечты сбылись, всё самое несусветное свершилось, а душа окаменела. Мне ужасно стыдно, что я несчастлива при таком наборе. Но не вижу смысла ничего делать, не получаю ни от чего радости. Вы понимаете меня? Это как в фильме «Пираты Карибского моря», пьют, а все мимо, едят, а вкуса не чувствуют, смотрят и не видят. Брр-р! И со мной вот такая же песня. Эхскуэз муа^{б1} за мой выплеск!

Что ж... это кризис среднего возраста, отягощённый предменструальным синдромом,

эмигрантской душевной неустроенностью и перманентно возбужденной нервной системой. Ну, вот такая я, завожусь легко по любому поводу. Вот такую тяжесть ношу в себе. Бедный, бедный мой Лакарен!»

Мадам Тамарá, как самая опытная и умудрённая, настойчиво интересовалась моими отношениями с бывшей женой Месье, которую мне так и не посчастливилось увидеть. Сама же Тамарá была удостоена шапочного знакомства и весьма впечатлена. Рассказывала, что бывшая супружница — моя ровесница, даже чуть младше, но стервозная и дёрганая:

— Это ты, Ленусик, ещё жены его бешеной не видала. А там есть от чего вздрогнуть. Она у него далеко не коксинэль^{б2}. Это натуральная машина-тюё^{б3}! Мадам-юрист! Такая за денежный куш запросто горло перегрызёт. Ну, ничего. Главное, у тебя есть за что зацепиться. Илга вот предлагает оформить тебя как беженку из Чечни, — строгая, но справедливая женщина-полицейский покорно кивнула. — Придётся, правда, некоторое время отдельно от Месье пожить, в реабилитационном центре у Клайва. Там и язык бесплатно изучают. Понимаешь, я хотела тебе сначала через моего Лакарена студенческую визу выбить, но ты уже по возрасту не пролазишь, а по рабочему контракту тебе придётся реально отрабатывать.

Значит, роль в устройстве моей судьбы каждого персонажа из этой компании была заранее продумана. Как, кого и где использовать, чтоб меня пристроить в случае, если мадам-юрист совсем окрысится и воспрепятствует браку. Bravo! Интересно, а зачем им-то это нужно? Неужели столько забот только для того, чтобы и дальше здесь есть-пить и проводить вечера?

А что, я ожидания Месье оправдала. Неприятная, бесплатная служанка. Молчит, терпит, ещё и любит. Да и внешне, как оказалось, не стыдно на люди выйти. Удобно. Рационально. А я-то голову ломаю — и на что я им всем сдалась?! Во всей Европе таких дур не найти — у всех баб теперь требования. Только в Таиланде да в Сибири ещё встречаются подобные образчики наивности...

18. СТРАСТИ ПО АПОЛЛО́

Когда спортсмены говорят, что они очень любят лошадей, следует вспоминать, что Чикатило очень любил женщин.

(Документальный фильм Александра Невзорова «Лошадь распятая и воскресшая»)

Мне так хотелось вернуть прежний интелес Месье. Я старалась как могла! Готовила для него настоящий борщ. Нежно гладила его шершавую равнодушную руку. С надеждой заглядывала в его пустые глаза. Восхищалась каляками-маляками пюпяса. Но насильно мил не будешь.

Единственный пункт, где мы находили согласие, а я обретала долгожданное внимание, — это взаимное разглядывание лошадиных изображений. Но бесконечно невозможно насиловать себя, и рано или поздно мне наскучило изображать дикий восторг от созерцания бесконечных лошадиных задниц, грив и копыт.

Однажды в привычной компании после ритуального просмотра диска с выступлениями любимца Аполло́ на плохо понятных конских соревнованиях мы рассматривали обширный «фотоальбом». Фотографии выплывали на поверхности прозрачного стеклянного журнального столика, столешница которого была монитором, а сам стол — хранилищем лошадиного семейного архива.

Месье выводил на сенсорный экран фотографии, и те послушно бежали за его пальцем. Формат можно было раздвигать и сжимать. И это было очень интересно, если бы не наскучившие всем, кроме хозяина, однообразные сюжеты снимков.

Месье не привык замечать и особо вникать в интересы окружающих и был весьма увлечён. Он что-то долго и грустно рассказывал, но скорее не гостям, а самому себе. Лолка шёпотом переводила мне на ухо его печальное повествование:

— Мой Аполло́ уникальный жеребец. Мировой чемпион! Очень-очень ценный производитель. Он стоит столько, что на его цену можно пол-Нормандии купить. Точнее, можно было... У меня его украли. Да. Вывели под уд-

цы прямо из конюшни. Моя бывшая жена. С ней нелегко спорить и судиться, даже мне. Она опытный юрист. Однажды она воспользовалась тем, что мы с сыном уехали на горнолыжный курорт. Я должен был показать ребёнку горы. Эркюль-Пьер впервые там встал на лыжи и скатился с горы, — губы Месье едва дрогнули, но всё же удержались от улыбки. — Она всё продумала заранее. Конюх и прислуга не могли ей препятствовать, ведь мы официально не разведены.

Суд длится пятый год. Я терплю ужасные, ужасные убытки. Аполло́ не участвует в соревнованиях. Она не даёт мне его даже увидеть. Мой адвокат сказал, что она ищет покупателя. Я не вынесу этой потери, — глаза Месье наполнились слезами.

Сентиментальную сцену прервал телефонный звонок. Месье вышел в кабинет на переговоры, забыв отключить громкую связь.

Звонила бывшая жена Месье — мадам-юрист. Весь ужасающий позорный диалог, тщательно и преданно глядя мне в глаза, переводила Лолка точно таким же бесстрастным голосом, каким только что повторяла за Месье.

— Милый, я тебя уже предупреждала. Убирай из дома свою русскую пютён⁶⁴, иначе я начну предпринимать меры. На этой неделе ты не получишь сына. Можешь за ним даже не приезжать! Я не пушу мальчика в это жерло разврата, пока там эта подозрительная особа, русская шпионка. Я уже предупредила судью, и он меня полностью поддержал. Жди новых проверок!

— Хорошо, дорогая, я рассмотрю твои требования. Вышли их в письменном виде по факсу. Я готов расстаться с моей русской девушкой, если ты не только не будешь препятствовать моим встречам с сыном, но и вернёшь Аполло́! Ведь ты знаешь, что удерживаешь его незаконно. Он будет мой! Это только вопрос времени.

— Хорошо, милый, я рассмотрю твои требования. Вышли их в письменном виде по факсу. Через неделю к тебе заедет мой адвокат. Если эта мерзкая пют будет по-прежнему в твоём доме, можешь попрощаться и с сыном, и со своим любимым Аполло́!!! Оревуар!

Я, как окоченевшая, слушала бесстрастный

Лолкин перевод. А со всех сторон меня без капли сочувствия обстреливали взгляды Маржорі и Ксавье́, четы Лакареннов, Флоранс и Мишеля.

— Он меняет тебя на коня, — безжалостно подвела итог Лолка.

— Неужели я так дорого стою? — пришёл на ум удивлённый вопрос Малыша из мультфильма про Карлсона. Но никто не улыбнулся.

Не рассчитав сил от волнения, я слишком сильно натянула на шее подаренную золотую цепь с кулоном в виде вздыбленного Аполло́. Цепочка порвалась, и маленький золотой жеребец упал на сенсорный чудо-стол, хранящий в себе памятные снимки.

Зачем я здесь? Для чего? Быть посмешищем у этой кучки мещан? Да, теперь им на целый год хватит разговоров.

В гостиную вернуло невозмутимый Месье, похоже, ему было по большому счёту плевать, слышали мы разговор или нет. У него была в жизни только одна задача — воевать с бывшей женой, и я была лишь одним из инструментов этой бойни.

Я скорбно протянула ему порванную цепочку. Мол, посмотри, что ты делаешь с моей жизнью, как легко всё можно разрушить. Давай починим. Не будем рвать навсегда, непоправимо, навсегда...

Месье понял этот жест по-своему. Он молча положил цепочку в карман и вышел во двор. Цепь я больше никогда не увидела. Хорошо хоть хватило ума не отдавать и кулончик.

На деньги, вырученные в ломбарде от подвески, нам с бабушкой удалось выжить самый трудный для учителей месяц — сентябрь, когда денег нет вообще, хоть цветы, подаренные учениками, на базаре продавай. Жалкие отпускные потрачены, жить не на что, плюс пришла квитанция за телефонный звонок в консульство ценой в две моих школьных зарплаты.

Эх, зря я ему тогда отдала цепь, хоть бы на туфли себе выкружила... Да и хрен с ним!

Ночью я проснулась от странного томительного беспокойства. Вдруг где-то в глубине комнатно-коридорного чрева послышались едва различимые стоны. Неведомая

авантюрная волна вынесла меня из уютной спальни и понесла навстречу опасным приключениям.

Исследуя всю очередь дверей, я поочерёдно прислушивалась к каждой, припадая ухом к прохладной древесно-лаковой поверхности, пока в конце длинного коридора не поняла, что слабые стоны исходят сверху с лестницы, ведущей на чердак, там располагалась комнатка прислуги, почти всегда пустующая.

Растревоженное внезапно нахлынувшей сексуальной жизнью воображение рисовало мне скабрзные и вместе с тем непреодолимо манящие порнографические картинки буйной оргии. Забыв о всех морально-нравственных принципах, я жадно прильнула к светящейся замочной скважине. Но вопреки ожиданиям увидела там не разгорячённых страстью бесстыдниц и их неутомимых, невероятно «долгоиграющих» партнёров.

Среди каменного жерла стоял настоящий пыточный стол, как только можно его себе представить, руководствуясь свидетельствами времён средневековья и изысками голливудского кинематографа. На необструганной поверхности, заляпанной подозрительными бурными пятнами, извивалась прикованная по рукам и ногам... совершенно голая Моні́к.

На какой-то момент мне захотелось, чтобы это оказалось лишь сном, и я, отпрыгнув от двери, даже мотнула головой, пытаясь стряхнуть наваждение. Но жалобные стоны перешли в сдавленный крик без всякого налёта театрализации.

Не в силах оторваться от ужасного зрелища, я, цепенея, внимала тому, как Месье, облачённый в экзотический костюм, состоящий из одних ремешков конской сбруи, грубо затыкает маленький рот служанки кляпом непотребного вида. Резко и размашисто хозяин стал стегать жертву хлыстом, тем, что наемдни гонял по кругу лощёных жеребцов. На нежной розово-яблочной коже загорались багровые следы.

Когда Моні́к особенно бурно забилась, старый извращенец вырвал кляп и стал толкать ей в глотку пучок сена.

С этой
 дикой ночи,
 приоткрывшей
 чужие тайны, столь
 отвратительные и
 интимные, что вдруг
 перестала нормально
 спать, я размышляла
 и размышляла. И всё
 анализировала и ана-
 лизировала поведение,
 все случайные фразы
 моих новых знакомых.
 И теперь многое вдруг
 стало ясно: поведение
 Моник. Её внезапные
 слёзы говорили о том,
 что у них с Месье
 особые отношения.
 И служанка явно
 не в восторге от
 моего явления
 в их мир.

Страшнее смерти — жизнь без цели.
 (Валерий Метелица)

Ничего меня уже здесь не радовало — ни поддельные медоточивые улыбки окружающих, ни цветущий рай за окном. От давящего чувства одиночества, потерянности и ненужности отвлекал только алкоголь.

Я целый день бродила одна по пляжу с бутылкой вина. Заметила, что с пива перешла на вино, так как в стране вина пиво преотвратное. Перспектива пристраститься к более крепким напиткам и глушить коньяк, как Лолка, меня не просто настораживала, а прямо-таки пугала.

Недолгое успокоение находила в инфракрасной кабинке — домашней сауне, где можно было запереться и рыдать в голос. На Месье смотреть было противно и больно. Мир рушился, что-то болело и умирало в моей душе. И успокоиться, вылечиться от наносного бреда я могла только дома.

Однажды я поймала себя на мысли, что почти опустошила шкаф для вина, где хранились запа-сы аперитива. Шкафчик, где поддерживалась определённая температура и влажность, как в

винных погребах, не запирался. Пользуясь доступностью сладкого допинга, я почти сформировала у себя пагубную привычку. Когда Месье обнаружил недостачу, бедолагу чуть «криз кордьяк»⁶⁵ не схватил! О боже, я начинаю даже в своих мыслях выражаться так же, как Лолка и вся эмигрантщина, влетая в речь французские слова. Какой кошмар! С этим срочно нужно было что-то делать. И если всё останется по-прежнему, я просто сопьюсь и погибну.

В душе зрело зерно безысходности, как у большинства людей, оторванных от своих корней.

19. НОСТАЛЬЖИ

Получив ДНК из фрагмента кости, возраст которой 38 тысяч лет, учёные пытаются расшифровать полный генетический код неандертальцев. Результаты исследования (...) указывают на то, что неандертальцы и современные люди принадлежат к разным биологическим видам.
 (Журнал «National geographic» (октябрь 2008 года)
 Стивен С. Холл «Куда исчезли неандертальцы»)

*Всё тут одна видимость. Ничего настоящего...
 Э-э, ну да ладно! — подумал он и, открыв футляр,
 оглядел свой меч.*

(Дмитрий Емец «Мефодий Буслаев. Свиток желаний»)

Однажды во время очередного ужина в кругу друзей Месье посмотрел на меня как-то особенно пристально и весомо изрёк:

— Ещё лет пять-шесть, и ты станешь похожа на настоящую европейскую женщину.

Его слова привели меня в ужас — неужели у меня есть все перспективы так опуститься?! И всего через каких-то пять лет я расплывусь до неузнаваемости, отупею от сытости, разленюсь так, что перестану вовсе следить за собой. Или стану надменным снобом, как мадам Тамара?!

— Нет уж! Можно я лучше останусь дикой азиаткой!

— Ах!!! А я так люблю африканскую культуру и вообще всё африканское, — поддержала культурологический разговор изысканная Флоранс.

Этим было подчёркнуто безоговорочное отс-

тавание Сибири в культурном смысле от пигмеев Чёрного континента!

Хорошо уже то, что в этой поездке я приобрела бесценный опыт и окончательно избавилась от многих общепринятых иллюзий.

1. Французские мадамы — эталон изысканного вкуса и элегантности.

2. Французские месье — образцы галантности и мастера соблазнения.

3. Жизнь за границей легка и весела, сплошной праздник, и стоит только попасть в этот волшебный мир, как на тебя повалятся деньги, любовь, приключения.

4. В России всё плохо, беспросветно, особенно по сравнению с благополучной Европой.

А от смешения языков в голове стояла такая невообразимая каша, что я стала ловить себя на мысли, что начинаю коверкать слова на эмигрантском наречии и дома меня вообще никто не поймёт.

Во время уединённых прогулок, чтобы не забыть это странное состояние, попробовала для наглядности сочинить простенькие стихи:

*My hair is fair,
My feelings are black.
Ну где же ты ходишь,
Родной человек?*

*You're winter, you're snow,
You're cold ice-cream,
Об эти преграды
Разбилась dreame.⁶⁶*

— Знаешь, Ленусик, как мне тяжело с тобой по-русски говорить. Я ведь сначала фразу в голове по-французски построю, потом только её на русский перевожу. Да теперь ещё не все слова вспомнить могу, как амнезик⁶⁷ законченный, — жаловалась мне Лолка. — А вместе с языком меняется что-то и в самом человеке. Безвозвратно. Но если ваша цель — положить жизнь, чтобы стать своим среди чужих (что в принципе невозможно!), то, конечно, уезжайте на ПМЖ (постоянное место жительства). Но знайте, что самая большая тайна всех эмигрантов — это то, что ДОМА — ЛУЧШЕ!!!

*Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...*

(Марина Цветаева)

Но где он теперь, мой дом? Такой же, как здесь, город или село, только родина! Да, грязнее-беднее, но зато ты там родной, все говорят — и тебе всё понятно! Боже, а это великое счастье! Ты дома, ты хозяйка!

А здесь всю жизнь учить эту проклятую язычину, да и материально не шибко-то привольно, тоже каждую копейку экономим. С голоду сдохнуть, конечно, не дадут, но не сильно-то разгуляешься... И за этикие-то сомнительные удовольствия переехать в вечный второй сорт? Да никакая заграница не стоит таких жертв!

А

вот в

городах

«крупных»

— что примерно

умещаются в один

район Барнаула, деревьев

почти нет.

Непозволительная

роскошь, ведь Европа такая

маленькая, а стать настоящими французами

хочется и жителю Южной Африки, и

арабской

женщине, укутанной с ног

до головы в свою чадру. Зато на приусадебных

участках каждый сантиметр засажен, украшен, подстрижен.

В бетонных «джунглях» выходят из положения просто,

чтоб место сэкономить и озеленить город, клумбы

подвешивают на столбы,

фонари, стены.

Один доморощенный

барнаульский дизайнер, видимо

путешествуя по узким европейским улочкам,

подсмотрел этот приём и повсеместно внедрил его на

широких просторных проспектах и площадях столицы

Алтайского края. Смешно.

Но красиво, не скрою, и лоск сразу почти европейский.

Повсюду вазоны свисают, благоухают.

*Вчера едем
мы с Месье,
и тут вдруг
на обочине
— рябина! И
так почему-
то сердце за-
щемило. Так,*

чего доброго, глядишь, скоро буду с каждой берёзкой в обнимку плакать. Странно! Что-то раньше не замечала я у себя приступов ностальгии. Старею?

Да нет — мудрею!

Нигде я ни разу не видела ни рябинки, ни березки, ни сосенки, а тут стоит красавица. Рябина! Пышная, кудрявая, и листики резные чуть рыжиной подёрнулись. Это что ж со мной через несколько месяцев станет? Над русским алфавитом, наверное, рыдать буду навзрыд. А что — ведь они тут все так и делают. По крупиночке свою русскость собирают, хранят, и всё в тайне, чтоб никто не узнал, а на людях — все как бы европейцы, акцента русского стесняются.

Или действительно большое видится на расстоянии? Ребята, слышали новый анекдот? А я, оказывается, родину люблю!

Вспомнилось, как местному трактористу указали на меня и сказали, откуда я приехала, так он остановил свою колымагу, открыв рот и застопорив движение.

Ещё год меня, конечно, будут показывать по дворам: «Сайбирья!!!» Потом интерес угаснет и я останусь совсем одна. Никогда я не стану здесь своей. Никогда! Всегда буду чужой. А общаться мне придётся с очень ограниченным во всех смыслах этого слова кругом. С надменной Тамарой, кичащейся своим высокопоставленным мужем и деньгами. Это в лучшем случае.

Превращусь в вещь или, хуже того, в рабыню этого чёрствого жадного сухаря и его наглого отпрыска. Выклянчивать каждую мелочь, как Лолка, я не смогу. Без машины я прикована — заживо замурована на этой «fazенде». Без машины — ХАНА! Будешь узницей. Здесь вооб-

ще самый незаменимый человек — гаражист⁶⁸. Да и куда ехать? Никому-то я здесь не нужна. Эмигрантщина — это даже унижительней московской «лимиты».

Единственной доступной формой общения стала забота о доме Месье. До тела он больше не допускал, почти не разговаривал, спать уходил в дальнюю гостевую спальню. Уже месяц ни гу-гу, наверное, у дедушки «Виагра» кончилась?.. Или это тот страшный звонок от жены на его потенцию таким негативным образом сказался, когда она визжала по телефону и пообещала возобновить иск. Или без конской сбруи и пучка сена во рту девушки его совершенно не возбуждали. Что говорить — хлыстом я себя «любить» не позволю. В любом случае после увиденной лошадиной оргии этот человек стал мне далёк, отвратителен. И сама мысль о близости с ним — невозможна!

Когда не было рядом никого, с кем можно словом перемолвиться, я познавала мир с помощью тряпки. Принялась как сумасшедшая готовить каждый день и убирать комнаты, чем чрезвычайно расстраивала безмолвную Моник. Было видно, что Месье очень благодарен мне, но, кроме сдержанного «мерси», я больше так ничего и не заслужила.

Теперь с утра до обеда я оставалась одна. Месье гонял своих жеребцов по кругу, будто позабыв о моём существовании. Его бы энергию да в недоразвитые страны, например в Сибирь!

Просто вместо одной служанки в доме теперь имелось две. Одна лишняя! С утра я пылесосила ковёр в гостиной громоздким, невообразимой мощности пылесосом, и вдруг остро кольнула мысль, точнее воспоминание, как милый Хоббит помогал мне с уборкой в моём крохотном жилище, когда мы организовывали пространство по правилам фэн-шуй. С каким задором и энтузиазмом он передвигал мебель изо всех своих хоббитских сил, выносил мешки с мусором — бегом и с улыбкой!

Слава небесам, Месье пока мне не препятствовал в общении по телефону, и можно было разговаривать сколько хочешь, а не так, как у Лолки, — драки с мужем из-за каждого звонка. Теперь-то я её отлично понимала, теле-

фонные переговоры с родиной были единственной настоящей отдушиной в этом сытом, но чужом игрушечном мире. Лолка при первой же возможности, когда оставалась одна, бросалась к телефону, как умирающий от жажды к спасительному источнику. Отсюда и её бесконечные звонки — всегда не ко времени.

— Привет, Ленусечка-лапотусечка! Как дела у новой пассии миллионера? Давай чуток надави на него — и миллион в кармане! Потерпи, чуть-чуть осталось!

— Никуда я давить не собираюсь, не на что давить. Понимаешь, Лол, закрутилось всё как-то, ну можно сказать, по пьяни. И ещё я себя чувствовала обязанной перед Месье, он же за меня деньги платил... А вообще, не могу я с ним... И ему я не нужна, ну если только так — для антуража... Единственное, кого здесь бросать страшно, — это пюпюса. Совсем изнахратят ребёнка вседозволенностью без любви.

— Давно такая разборчивая-то стала? Знаешь что, дорогая, если у тебя на него не стоит, то я его себе возьму. Миллионер в хозяйстве всегда сгодится! Так что не обижайся потом!

Видимо, парижские похождения были тщательно погребены Лолкой в небытие. Неисправимую авантюристку вновь тянуло на приключения. Забегая вперёд, скажу, что закончатся они разводом и незапланированной беременностью. Ведь у любого, даже самого глупого Луи де Фюнеса, когда-нибудь кончается терпение. Слава богу, что хоть с продажей в сексуальное рабство на этот раз обошлось.

После разговора с Лолкой «чемоданное» настроение стусилось ещё больше. Виза заканчивалась. Потерпеть, как сказала подруга, действительно оставалось всего чуть-чуть. Через два дня — вылет. Но как вытерпеть эти постылые дни?

Как же сильно я, оказывается, соскучилась по моей милой бабушке, по Серёже-Хоббиту, и даже по ребятишкам из неугомонного 6 «б», которым при всей их гиперактивности всё равно не переплюнуть пюпюса. Рука сама набрала знакомый номер:

— Привет, Серёж! Отгадай, откуда я тебе звоню? Из Франции!

— Ух ты! Вот это да! Теперь видишь, что с людьми волшебный фэн-шуй делает!!! А у меня тоже изменения, уволился из родимой казематины. В Москву собираюсь в аспирантуру поступать. А ты как там во Франции-то, надолго решила обосноваться или как?

— Серёж, как домой полечу, сообщу...

— Да, видишь, Леночка, какой мир-то, оказывается, большой и интересный! Тебе как там вообще-то? Нравится?

— Знаешь, если бы ты меня об этом ещё неделю назад спросил, то я была бы в полном восторге. А сейчас точно знаю — дома лучше! А в тупики мы себя сами умеем загонять — вне зависимости от страны...

И тут вдруг до меня дошло простое, как всё гениальное, осознание того, что там, на далёкой родине, меня ждёт он — близкий хороший человек. Тот, которого я всю жизнь искала, — Серёжа! И сюда-то за тридевять земель припёрлась именно его искать... Ну, или похожего на него. В том солёная истина, что оказалось ожидание это гораздо важнее, чем пошлая интрижка с Месье. Именно в скромном, домашнем, добром Серёже есть что-то такое, что я так надеялась найти в игрушечно-карамельной Франции, но не нашла. А в нём есть главное, чего тут нет, он — настоящий! Милый! Милый и никакой ты не Хоббит, а благородный воин — Джедай!

Если бы я, например, пробыла во Франции недели две, как среднестатистический турист, то находилась бы в остром культурном шоке. Задержись я около месяца — первые восторги улеглись, и мне было бы просто весело и хорошо. Но моё пребывание продлилось почти всё лето, мало того, я увидела местные реалии изнутри, мне посчастливилось гостить во многих семьях, общаться с разными людьми.

Наносная яркая мишура новизны постепенно облетела, и осталась непреложная голая правда: жизнь здесь не такая красочная и лёгкая, как видится из окон туристического автобуса. И работать надо, и денег не всегда хватает, и цены растут... А главное, как бы сладко мне ни улыбались вокруг, я навсегда останусь для всех чужой, лишней, буду прикованной к

узкому кругу своей диаспоры и лишь там отдыхать от агрессивной языковой среды, где тебя никто не понимает и ты никого не понимаешь. Нужно положить полжизни, чтобы внедриться в эту чужую жизнь. И неизменно на каждый «плюс» заграничной жизни найдётся свой «минус».

Все эмигранты не могут внятно объяснить, чем отличается их новая жизнь от прежней, и чаще всего ограничиваются общими фразами: «Там всё другое!» А что всё? Это мы другие, русские — люди высокого духа!

Вот и я не могла объяснить себе, что так дико выдавливает меня отсюда. Потому что нельзя объяснить необъяснимое. Отсутствие невидимого Покрова Богородицы, духовного пространства, энергетической поддержки этноса, эгрегора, информационного поля — назовите как кому нравится. Но нет покоя без силы Матери Родной Земли, а это нельзя увидеть, можно только чувствовать, что умираешь без родины. А без фундамента под ногами — лёгкая мы добыча. Изматывает она, эта чужбина, соки тянет, дух высасывает.

— Что, жизненной силы моей хочешь? Вот тебе — космическая фи́га! Вы как хотите, а я возвращаюсь!

На исходе лета я готова была бросить все огромные сумки с подарками, что мне надарили сердобольные французские тётушки, и бежать-бежать босиком за самолётом по взлётной полосе прочь от этой обрыдлой заграницы... ДОМОЙ!!!

20. ДОМОЙ!

Родина там, где твоя пуповина закопана...

(Старая акушерка)

Дай Бог побольше разных стран,

Не потеряв своей, однако...

(Евгений Евтушенко «Дай Бог»)

Ранним утром Месье провожал меня в парижском аэропорту. Провожал нетерпеливо, суетно, ведь завтра должен был навещать адвокат бывшей жены с досмотром, от

результата которого зависели встречи с двумя самыми любимыми существами на свете: конём и плюсом. Поэтому ему не терпелось спихнуть меня как можно быстрее.

Посадку ещё не объявили, а Месье дёргался и с тоской глядел на выход из терминала, готовый каждую секунду дать дёру прочь, подальше от меня.

Я понимала, что больше никогда не увижу этого человека и не захочу больше встречи с его однобоким, недоразвитым мирком. Мне вдруг стало так жаль его, что на глазах навернулись слёзы. Как жалко глухого, потому что он никогда не услышит музыки, или слепого, который никогда не увидит неба.

Месье понял мои слёзы по-своему и стал притворно увещевать, что обязательно позвонит-напишет-приедет... Он даже решил расшевелить меня напоследок, припомнив, что я постоянно удивлялась перенасыщенности французских улиц чернокожим населением. Он каждый раз всплёскивал руками и возмущённо называл меня: «Ты — апартеид!»

Месье лукаво указал на очередь в крохотный «дешёвый» самолётик до Женевы, на котором мне предстояло с пересадкой убраться восвояси. Длинная шеренга вылетающих состояла сплошь из огромных негров. Все афрофранцузы как на подбор были поперёк себя толще, причём каждый последующий был выше, шире и чернее предыдущего. На последнего гиганта было просто страшно смотреть.

Как авиакомпании не боятся брать на борт таких игрушечных самолётиков столь увесистых пассажиров? Хоть бы как-то взвешивали, что ли, прежде чем билеты продавать.

— Вот сейчас расскажу им, какой ты, Элина́, на самом деле апартеид. И что ты против, чтобы эти люди жили во Франции, — довольный своей удачной шуткой, Месье расплылся в счастливой улыбке, видя, с каким содроганием я рассматриваю своих будущих попутчиков.

— Да уж. Тогда точно время в пути пролетит незаметно.

Объяснить, что я вовсе никакой не апартеид, а просто считаю, что во всём нужна мера, мне уже не удалось. Крохотный самолётик пос-

лушно проглотил все приготовленные ему жестокой авиационной судьбой тушки и тяжело оторвался от взлётной полосы.

Вопреки опасным прогнозам, самолётник бережно выгрузил всех пассажиров в маленьком аэровокзале столицы Швейцарии без проблем и проволочек. Женевский небесный порт оказался чередой уютных комнаток, застеленных мягкими ковровыми дорожками. Всё было настолько ненастоящим, кукольным: крохотные киоски с блестящими швейцарскими часами, миниатюрные лавочки в игрушечном зале ожидания, что даже люди стали казаться персонажами старого доброго мультика из детства.

И, как подтверждение этого впечатления, зал заполнила делегация вездесущих японских туристов. Одинаковые маленькие человечки в одинаковых белых носочках и таких же белоснежных кроссовках со стандартными приклеенными улыбками, словно нарисованный отряд сказочных персонажей, выкроенных по одному лекалу, стилизованный талантливым мультипликатором.

Маяться за рассматриванием оживших «анимэшек» пришлось долгих три часа. Поэтому во время пересадки в комфортабельный авиалайнер сердце подпрыгивало и замирало от нетерпения. В голове пойманной рыбкой билась только одна мысль: «Домой! Поскорее бы домой!»

В полёте по мере приближения к родимым пенатам, как ягоды, скоропостижно вызревали мысли, которые подводили некий итог... итог, может быть, целому этапу моей маленькой жизни.

В детстве казалось, что настоящая жизнь где-то та-ам, где-нибудь в Москве, а ещё лучше — в Европе или Америке. Только там настоящие возможности, там другой мир и не то, что у нас тут — серость да убожество! Но когда взрослеешь, начинаешь осознавать, что нет, оказывается, лучше места на земле, чем то, где на свет родился. Вот оно и есть самое яркое, фантастическое и никогда до конца не разгаданное, но родное, куда всегда тянуть будет.

Избавление от иллюзий, может, и есть настоящее взросление. Не по паспорту, а когда

душа созрела для мудрости. В очередной раз убеждаюсь — все в своё время приходит и в нужном количестве. Как я воспринимала европейскую чистоту и любезность в первые дни — с восторгом, эйфорией. Да и весь последующий месяц, наверное, пребывала бы в состоянии довольной расслабленности. Но я прошла все эти стадии, и после периода безоблачного счастья вместе с моими солнцезащитными очками разбились и пресловутые розовые.

Судьба подарила мне время на отрезвление. Я взглянула вокруг — реальность стала неутешительным открытием. Как бы мы там ни пыжились, стараясь стать настоящими европейцами, как бы ни кичились своим материальным преимуществом перед соотечественниками, были, есть и останемся чужими, нелепыми, непонятыми. Как белые медведи в европейском зоопарке — вроде бы и кормежка дармовая, а тошно!

Посмотрите на несчастных таджиков или туркмен, что эмигрировали в центральную Россию и претендуют на звание обрусевших. Ни фига! Они навсегда останутся для нас подозрительными чужаками, от которых лучше держаться в сторонке. Разве не так? Должно пройти не одно десятилетие, не одно поколение должно смениться на приютившей земле, да ещё лучше, чтоб ассимилировались — пообженились бы... Вот тогда, может быть, мы и станем чуть-чуть ближе друг другу и понятнее, а может, и нет! Так же и мы там смотримся, просто европейцы чуть вежливее.

А вообще, жалею, что съездила — разбила последнюю мечту. Так бы думала: это у нас здесь трудно жить-выживать, а вот есть волшебная Европа, вот там красота, сказка. А что в итоге? В этой волшебной Европе мы — никто и звать никак, и вообще по всем параметрам хуже. С голоду, конечно, помереть не дадут, но и жить будешь, как в гостях, — хозяева-то больно строги да рачительны. Оказалась сказка страшной и без вразумительного конца...

Только в глубине, в самой сердцевине души, вызрела уверенность, что всё так, как надо, не согласно моим сиюминутным капризам, а по Воле Высшего Порядка. Словно Кто-то больше и мудрее меня ведёт за руку и мне остаётся

лишь смиренно покориться. Не знаю, пожелаю я когда-нибудь, что не приложила никаких усилий, чтоб остаться в забугорье? Упустила шанс или приобрела?

Но теперь я могу точно сформулировать ответ на извечный вопрос «С чего начинается родина?» Душа начинается с горя, характер начинается с лишений и трудностей, а родина начинается с разлуки. Таков закон жизни: что имеем — не храним, потерявши — плачем.

На этой философской фразе, родившейся в уставшем мозгу, сзади за моим сиденьем завошкались и разом дружно разревелись двухгодовалые близняшки. Не очень удачное соседство для дальних перелётов, я вам скажу! Одна из малышек даже начала буйно колотить ногами в спинку моего кресла, за что тут же схлопотала от матери:

— А ну, успокойтесь обе! Сейчас уже дома будем! Кому сказала?

Боже, почему так радостно слышать эти слова? Да она ж по-русски говорит! Никогда я так не радовалась звуку русской речи, как в этот раз. Словно моя душа задышала, мозг проснулся, глаза открылись, русским духом запахло! Какое это всё-таки счастье, когда понимаешь, о чём говорят вокруг! Это может подтвердить лишь тот, кто вырвался из долгого инакоговорящего окружения.

Невидимая аура изменилась, стала другой — родственной, понятной, домашней. Я снова под защитным колпаком. Со мной сила моего рода, покров Богородицы, сила родной Земли — родина!!!

Вы не замечали парадокса: обратная дорога всегда короче!

Выйдя за серебряную черту, первым, кого я увидела, был Сергей. Его хрупкая изящная фигурка, казалось, стояла в центре Вселенной, а вокруг на скорости, стирающей лица, пронеслись цветные людские потоки. Он стоял такой родной, трогательно щемяще-маленький, но отважный и бесконечно добрый. Невольно сравнил его с Месье, я удивилась, до чего ж он невероятно юный. Почти мальчик. Даже розовый детский румянец пробивается.

Серёжа стоял спокойно и рассматривал хаотичную суету вокруг. Увидев меня, он резко рванул навстречу. Эх, и темперамент у него всё-таки — огонь! Это вам не хладнокровные европейские селёдки. Наш человек!

Я бегу к тебе, мой Джедай, да пребудет с нами сила!

Через год, в декабре, пришла из Франции рождественская открытка с трогательной подписью:

*«Я часто думаю о тебе и сильно скучаю!
Любящий тебя, с тысячьо поцелуями,
твой Франсуа Буйе...»*

Наверное, стервозная супруга наконец вернула несчастному Месье дорогого коня!

Письмо не полетело в урну, как первоначально задумывалось. Мой любимый Джедай разместил его в секторе квартиры, что по древнему искусству фэн-шуй отвечает за «Путешествия».

Ведь мы собираемся летом в те края — Лолку навестить. Трудно ей сейчас одной без работы с маленьким сыном на руках. Помочь надо. А заодно и хлеба ей чёрного «Бородинского» привезём, а то уж год как просит...

Примечания

- 12 Волшебная палочка (*искаж. франц.*).
- 13 Под боком, рядом с тобой (*искаж. франц.*).
- 14 Никогда (*искаж. франц.*).
- 15 После (*искаж. франц.*).
- 16 Лишь бы это продолжалось (*искаж. франц.*).
- 17 Фу, воняет! (*искаж. франц.*).
- 18 Безработица (*искаж. франц.*).
- 19 Вид топлива.
- 20 Друг (*искаж. разг. франц.*).
- 21 Семья (*искаж. франц.*).
- 22 Школа, детский сад.
- 23 Чистый, т.е. не мочился под себя (*искаж. франц.*).
- 24 Занятия, виды деятельности (*искаж. франц.*).
- 25 Товарищи, друзья (*искаж. франц.*).

- 26 Подруги (*искаж. франц.*).
 27 Больница (*искаж. франц.*).
 28 Ничего страшного (*искаж. франц.*).
 29 Это пустячок (*искаж. франц.*).
 30 Я не говорю по-французски (*искаж. франц.*).
 31 Полиция, помогите! Помогите! (*искаж. англ.*).
 32 Путана (*искаж. франц.*).
 33 Страдания (*искаж. франц.*).
 34 Искаж. разгов. от фр. «saline» – нежить, ласкать, телячьи нежности.
 35 Невероятно (*искаж. франц.*).
 36 Шары (*искаж. франц.*).
 37 Скромный, застенчивый (*искаж. франц.*).
 38 Секретная информация (*искаж. франц.*).
 39 Подонок (*искаж. франц.*).
 40 Диаспора (*искаж. франц.*).
 41 Хрупкий, чувствительный (*искаж. франц.*).
 42 Что? (*искаж. франц.*).
 43 Младший медперсонал в психиатрических клиниках (*искаж. франц.*).
 44 Больница (*искаж. франц.*).
 45 Дневной стационар (*искаж. франц.*).
 46 Аутист (*франц.*).
 47 Социальный работник (помощник) (*искаж. франц.*).
 48 Проблемы в общении (*искаж. франц.*).
 49 Навязчивые жесты (*искаж. франц.*).
 50 Врачебная тайна (*искаж. франц.*).
 51 Терапевт (*искаж. франц.*).
 52 Социальная защита (*искаж. франц.*).
 53 Продлёнка (*искаж. франц.*).
 54 Минимальное пособие (*франц.*).
 55 Т.е. из Кана в Кутанс. Давно замечено забавное переименование нашей диаспорой иностранных названий на русский манер. Например: «Поехали на Голландщину!»
 56 Маленький доход (*франц.*).
 57 После третьей скидки.
 58 Блошинный рынок (*франц.*).
 59 Штаны, брюки (*франц.*).
 60 Колбаса (*франц.*).
 61 Извините (*франц.*).
 62 Божья коровка (*искаж. франц.*).
 63 Машина для убийства (*искаж. франц.*).
 64 Путана.
 65 Инфаркт.
 66 *Мои волосы светлые,
 Мои чувства черные.
 Ну где же ты ходишь,
 Родной человек?*
*Ты зима, ты снег,
 Ты холодное мороженое,
 Об эти преграды
 Разбилась мечта!*
 67 Склеротик (*искаж. франц.*).
 68 Владелец гаража, работник гаража (*искаж. франц.*).

Юлия НИФОНТОВА –

поэт, прозаик.

Окончила Алтайский государственный институт культуры и искусств.

Публиковалась в литературно-художественных журналах «Алтай»,

«Бийский вестник», «Русское эхо», «Луч», «Московский вестник»,

«Роман-журнал. XXI век», «Наш современник» и др.

Автор шести книг, среди которых «Провода гудящих строчек»,

«Предчувствие», «Осколки матриархата», «Шиза в квадрате» и др.

Лауреат литературных премий им. А. Пушкина (2007),

им. А. Соболева, им. В. Бианки (2011)

и VIII Артиады народов России в лиге мастеров (2006),

«Золотое перо» (2012).

Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

